

Наталья Ворожбит

Пьеса выложена только для ознакомления, любое использование текста в коммерческих целях запрещено, текст охраняется Международным законодательством об Авторском праве. По вопросам постановки обращаться к праводержателям.

ЗЕРНОХРАНИЛИЩЕ

Действующие лица:

Мокрина Старицкая

Арсей Печорица

Книжник Мортко – уполномоченный с района
Феодосий – отец Мокрины

Оляна – мать Мокрины

Мать Арсея

Агитаторы: Иван Иванович, Юрка, Машка и Василий

Самсон и Горобец – друзья

Килина

Избач

Активисты: Гаврило и Юхим

Труповоз Артюх

Людоед

Стара баба с пустым ведром

Странник

Родственники и односельчане Мокрины:

Храсина, Секлета, Яким, Броня, Федора, Мина, Явдоха, Тодось,
Югина, Горпина, Явдоха, Текля, Сафон, Онисько, Прокоп, Стася,
Хранка, Тофиля, Яник, Фанас, Гафийка

Вольтер Дюранте – журналист из "Нью-Йорк таймс"

Даша – домработница Вольтера Дюранте

1 действие

16 августа 1929

Двор середняка Феодосия.

Длинный деревянный стол в вишневом саду. Вдоль него – лавки. На столе – изобилие. Расколотые арбузы, дымящаяся картошка, овощи прямо с грядки, жареное мясо.

За столом – нет никого. Над столом только красивые мухи. Жужжат и лениво садятся на пищу.

Все сидят спиной к столу и смотрят выступление агитбригады.

Дают спектакль под названием:

"Побойтесь Бога!"

На воображаемой сцене плакат с большой иконой.

АГИТАТОР ИВАН ИВАНОВИЧ. Чудо в селе Заморилровка

Икона Божьей матери заговорила.

Со всей округи идет народ

Посмотреть иконе в рот.

Выходят агитаторы, изображают крестьян. Молятся по очереди перед говорящей иконой.

КРЕСТЬЯНИН. Боже, дай здоровье мне, детям и моей жене!

ИКОНА. Заплати один целковый

Будешь, как медведь здоровый!

КРЕСТЬЯНКА. Меня не любит мой жених

Боже, что мне делать?

ИКОНА. Заплати немного денег

КРЕСТЬЯНИН. А что мне делать с моей коровой?

У нее на ноге лишай здоровый?

ИКОНА. Еже еси, деньги неси.

АГИТАТОР. Тут подошел атеист.

Отодвинул икону.

А там поп с попадьёю считают деньги.

ПОПАДЬЯ. Это мне на кружева

Это мне на ложки.

АГИТАТОР. Поп попадьёю в лоб.

Попадья на полу растянулась и больше не очнулась.

Поп под рясу деньги спрятал.

Теперь ему надолго хватит.

АГИТАТОР. Верьте, люди:

Бога нету!

Верить нужно только в это!

Дорогие товарищи!

У Советской власти
просите счастья.

Молодежь хохочет и хлопает артистам-агитаторам. Старушки незаметно крестятся.

ГОРОБЕЦ. Вот артисты молодцы! Прямо как про нашу попадью.
САМСОН. Земля ей пухом.

Самсон три раза крестится. Агитатор Маша, поглядывавшая на Самсона, замечает это.

МАША. Эй ты, здоровяк, а ты когда с женщиной ночуешь – тоже крестишься?

САМСОН. А як же ж! Три раза до и три раза после. И ее крещу. Это как борщ поперчить.

МАША. Ну, так а я и так с перцем, чтоб ты знал.

Стреляет на Самсона красивыми глазами.

ГОРОБЕЦ. Ты только посмотри, Самсон, ты ихней артистке понравился. Вот тебе повезло.

САМСОН. Та ну ее к чертям собачим, господи прости. Мне что артистка, что горбатая Текля, лишь бы добре кормила. Меня другое интересует: как ты думаешь, Горобец, правда ли, что новая власть будет церкви сносить, а вместо них красные башни строить?

ГОРОБЕЦ. Типун тебе на язык, Самсон.

Горобец плюет по три раза через каждое плечо.

Феодосий с осуждением смотрит на свою дочь Мокрину, которая смеется вместе со всеми.

Красивый парень Арсей возле Мокрины, подбивает клинья.

АРСЕЙ. Мокрина, подрастешь, убежим с агитбригадой? Увидим Советскую Украину.

МОКРИНА. Тю. Никуда я с тобой не побегу.

АРСЕЙ. Ты же меня любишь.

МОКРИНА. Как собака палку.

АРСЕЙ. Так убежим?

МОКРИНА. Они ж нас не звали, Арсей.

АРСЕЙ. Я говорил со старшим. Обещал взять.

МОКРИНА. Боюсь я.

АРСЕЙ. Меня? А Килина не боится.

МОКРИНА. Шо?! И беги со своей Килиной!

Мокрина встает и убегает. Гневная, обиженная.

АРСЕЙ. Что ты горячая такая?! Я пошутил! Не нужна мне никакая Килина!

Мокрина бежит от Арсея и случайно выбегает на импровизированную сцену. Агитатор хватается Мокрина за талию.

АГИТАТОР. А сейчас гарная дивчина расскажет нам, что она знает про Бога и про колхоз.

Мокрина верещит и отбивается.

МОКРИНА. Божечки мой, отпустите...

АГИТАТОР. Какой я тебе Божечка. Я – Иван Иванович. Так что скажешь, девушка, есть Бог?

МОКРИНА (*еще стесняясь, но уже лукаво зыряя черными глазами*). Кто ж его отменял, дядечка?

Люди смеются

АГИТАТОР (*смеясь*). Как кто? Советская власть.

МОКРИНА. А у Бога спросили?

АГИТАТОР. А как же. Написали ему письмо, а оно обратно пришло нераспечатанным. Значит, нет его, раз не прочитал.

МОКРИНА. А может, он увидел, что от вас и читать не захотел?

Народ и агитаторы смеются.

АГИТАТОР. А может, он и читать-то не умеет?

МОКРИНА. Ему молиться нужно, а не писать.

АГИТАТОР (*добродушно*) Такая гарная, розумная дивчина, а такие глупости говоришь. Ничего, я к тебе через пару лет приеду. Что тогда скажешь?

МОКРИНА. Скажу, здоровеньки булы, Иван Иваныч.

АГИТАТОР. И ты будь здорова, красавица. Что ж с тебя взять? Петь ты умеешь?

СТАРАЯ ЖЕНЩИНА. Заспивай (*спой*), Мокрина. Она гарно поет.

ВСЕ. Заспивай.

Мокрина, задумавшись, заводит грустную песню, которая так не вяжется с веселым настроением, смехом и изобилием на столе.

Ой горе тій чайці

Горе тій небозі.

Що вивела чаеняток при битій дорозі

Шли чумаченьки, воли попасали

І чаечку зігнали, чаенят забрали.

А чаечка в'ється, об дорогу б'ється,

К сирій землі припадає, чумака благає:

«Ой ти, чумаченьку, ти ще молоденький!

Верни моїх чаеняток – вони ще маленькі!»

«Ой не верну, чайко, не верну ніколи,

Бо забереш чаеняток – полетишь у поле».

«Не буду летіти, тут буду сидіти,

Буду воли завертати й діток доглядати!»

«Ой полети, чайко, на зелену пашу,

Бо вже твоїх чаеняток покидали в кашу!»

«Бодай ви, чумаки, у Крим не сходили,
Як ви мої чаєнята у каші зварили.
Бодай вам, чумаки, воли поздыхали,
Як через вас чаєнятка навіки пропали!»

Всем нравится, как поет Мокрина. Особенно Арсею. Особенно самому молодому агитатору Юрке. Он смотрит на нее радостно и с интересом. Мокрина заканчивает песню, грустно смотрит вдаль, словно в свои 13 лет знает что-то большее. Кто грустит, кто вздыхает, Иван Иванович улыбается.

АГИТАТОР ИВАН ИВАНОВИЧ. Чья ж ты такая?
ФЕОДОСИЙ (с привычной гордостью). Моя это. Она у меня и в школе самая грамотная. Парубки уже вокруг вьются, да я замуж ее не отдам. Пока на человека не выучится.
МОКРИНА (вспыхнув). Тату, тю!

*Мокрина бежит со сцены, закрыв лицо руками
На сцену выбегает Юрка и чтобы как-то переменить настроение –
лихо отбивает дикую чечетку.*

*Заходит во двор домашний скот: коровы, лошади, козы и овцы.
Сытые и красивые. Хозяйка сыплет хлеб солью и кормит свою любимую корову.
Пастух садится за стол и с аппетитом ест после долгого трудового дня.*

12 января 1931

Изба-читальня. Пустое помещение со скамейками и единственной этажеркой, на которой газеты и несколько книг. На лавках сидят люди. Не зная, куда деть руки, складывают их, ладонями вверх на коленях. Избач прохаживается по "авансцене". В руках у него газета «Правда». Он читает вслух статью.

ИЗБАЧ. Партия добилась коренного перелома в развитии нашего земледелия, в развитии нашего крестьянства. Бурно развивается колхозное движение, по темпам своего развития обгоняя даже крупную промышленность. Это начало массового колхозного движения.

Феодосий заходит в избу последним. Не садится, а становится в сторонке. Встречается взглядом с Арсеем, который стоит рядом.

ФЕОДОСИЙ (тихо). Ну что ты смотришь на меня, как на москаля? Рано ей замуж. Не обижайся. Да и не только это. Какая она невеста? А какой ты жених? Сынок, ты же голодранец, пойми. Куда я свою дочку за голодранца? Погуляй еще, а там посмотрим.

Арсей равнодушно отворачивается, сплевывает на пол и растирает ногой слюну.

ИЗБАЧ (*читает*) "Новое и решающее в нынешнем колхозном движении состоит в том, - говорит товарищ Сталин, - что в колхозы идут крестьяне не отдельными группами, как это имело место раньше, а целыми селами, волостями, районами, даже округами. А что это значит? Это значит, что в колхозы пошел середняк. В этом основа того коренного перелома в развитии сельского хозяйства, который составляет важнейшее достижение Советской власти..."

ГОРОБЕЦ. Это про кого ж, куме, так пишут?

САМСОН. Про нас, куме, и пишут.

ГОРОБЕЦ (*восхищенно*). Ох, и брешут же, бляди.

САМСОН. Брешут.

ИЗБАЧ. Вот народ, где не жил, такого упрямого народу не видел. Не верят, хоть ты тресни. Это ж "Правда"!

Трясет газетой "Правда". Народ отмахивается, тянется к выходу. Остается только молодежь.

ИЗБАЧ. Стойте. Вот еще что... Объявление. Как вы знаете, Яник Прокопенко уехал на строительство железной дороги. Значит, в совет избачей нужен человек. Я предлагаю кандидатуру Арсея Печорицу. Он хлопец розумный, из бедняков.

АРСЕЙ. Та некогда мне.

ИЗБАЧ. Поговори еще, туняец. Тебя никто не спрашивает.

ФЕОДОСИЙ (*добродушно*) Видишь, далеко пойдешь, парень. Может, я еще за тобой побегаю, чтоб ты Мокринку сосватал.

Видно, что Феодосий в это не верит, как не верит и Арсей.

ИЗБАЧ. Все согласны? Единогласно.

КИЛИНА. А танцы будут?

ИЗБАЧ. Это вам изба-читальня, а не клуб. Где сознательность? Только петь и танцевать.

Молодежь уже расставляет лавки под стенку. Брат Мокрины Онисько растягивает гармошку. На середину выходит Килина, красивая девушка в расцвете. Избач не сводит с нее глаз, как и многие другие. Но она смотрит только на Арсея. В углу, среди подростков, застенчиво жметя Мокрина.

ИЗБАЧ. Лавки поставите на место.

Онисько, как бы нехотя, наигрывает веселую мелодию. Килина начинает танцевать.

Мокрина и Арсей встречаются взглядами, Арсей отворачивается.

На фоне танца звучит последний разговор Мокрины и Арсея.

МОКРИНА. А я уже давно тебя жду. Замерзла.

АРСЕЙ. А я давно пришел. Смотрел на тебя из-за дерева и думал: дождется или нет. Думал, если дождется – женюсь. Не дождется – не женюсь.

МОКРИНА. Если б знала, ушла бы.

АРСЕЙ. Куда ты от меня уйдешь?

МОКРИНА. Не задавайся.

АРСЕЙ. Та разве ж я задаюсь? Я так тебя боюсь, что даже выпил сто грамм для храбрости.

МОКРИНА. Разве ж это хорошо напиваться?

АРСЕЙ. А знаешь, когда я тебя полюбил? Когда ты еще ходить не умела. Я смотрел и думал – какое дитя красивое. Мне б такую сестричку. А потом стали подрастать – я уже по-другому думал, не сестру хотел, а жену. А ты меня когда полюбила?

МОКРИНА (тихо). Как увидела, так и полюбила. Не помню когда. Всю жизнь.

АРСЕЙ. Я сегодня свататься приду, Мокрина.

МОКРИНА. Не ходи. Не отдадут. Точно знаю.

АРСЕЙ. А если я с тобой заночую, так сразу отдадут.

МОКРИНА (с вызовом). Ну, заночуй.

Арсей утыкается Мокрине в плечо, сопит.

АРСЕЙ. Да разве ж я тебя обижу, ненаглядная моя?

МОКРИНА. Может и обидишь, Арсей.

Мокрина гладит Арсея по голове. Он подымает голову, они целуются.

Но сейчас Арсей танцует с Килиной. С вызовом поглядывая на Мокрину.

ПАСХА 1931

Весна. Птичий щебет. Тающий снег. Площадь перед церковью и сельсоветом рядом. Люди стоят возле церкви и наблюдают за Арсеем, который зачем-то вылез на колокольню с веревкой в руках.

МАТЬ. Сыну, шо ты туда залез?

КИЛИНА. Москву увидеть хочешь?

АРСЕЙ. А как же! Москву.

МАТЬ АРСЕЯ ОДАРКА. Слезь, ирод. Разобьешься.

АРСЕЙ. Выступает Арсей Печорица. Голодранец и ирод. Хватит дурить нам головы вашим Богом.

СОСЕДКА. Шо он мелет, твой Арсей? Ну и жарты (шутки) у молодых. Где ж это батюшка? Время службу править.

ИЗБАЧ. Откройте глаза, людоньки. Мы вас освобождаем. Помочь, Арсей?

АРСЕЙ. Сам.

ИЗБАЧ. Если сам, то делай дело, а не красуйся.

АРСЕЙ (Феодосию, задираясь). А что, дядько Феодосий, не поможете грех взять на душу?

ФЕОДОСИЙ. Что ты надумал? Прыгать будешь? (спокойно, Мокрине).

Доця, може ты скажешь этому бовдуру, чтобы слез.

МОКРИНА. Разве он кого слушает?

АРСЕЙ. Так что, дядько Феодосий, отдадите за меня Мокрину?

МАТЬ АРСЕЯ (*дрожа, Феодосию*). Говори, родной, что отдашь... Пусть слезет, а там я его своими руками задушу... (АРСЕЮ) Зачем тебе эта Мокрина, сынок? Они ж тебя куском хлеба попрекать будут... Возьми Килину, она нам ровня, она любит тебя...

КИЛИНА. Не надо, тётю.

АРСЕЙ. Так как же, дядько Феодосий, отдашь?

ФЕОДОСИЙ. Отдам, а как же, отдам. Как слезешь, так и свадьбу сыграем.

МОКРИНА (*тихо*). Не пойду я за дурака.

ФЕОДОСИЙ. А не такой он и дурак, я погляжу.

ОНИСЬКО. Арсей, ты чего туда залез, не пойму? Разве так женятся?

МОКРИНА. Арсей, ты пьяный?

АРСЕЙ. Скажи, что любишь меня.

Среди людей смех.

МАТЬ АРСЕЯ. И батько у него таким же дураком был.

МОКРИНА. Люблю, Господи... Шо ж ты меня перед людьми позоришь?

КИЛИНА. Как же, любит она... Да если бы он из-за меня... Я бы уже на колокольню взлетела бы.

ИЗБАЧ. Печорица, да я тебя за то, что ты идею портишь, в холодную на три дня...

Подходит странник - худой седой старик.

СТРАННИК. Христос воскрес, людоньки.

ЛЮДИ. Воистину воскрес.

СТРАННИК. Что тут у вас робыться (делается)?

ГАФИЙКА. Та вот, Арсей Перепелица на дзвоны залез и прыгать хочет. (*с гордостью*) Через мою сестру.

СТРАННИК (*крестится*) В такой день? Господи, прости. Слезь сынок, сегодня ж Пасха. А у тебя вся жизнь впереди.

САМСОН. Арсей, а помнишь, как моя Галя тебе на Пасху куличей с крашанками (*пасхальные яйца*) давала? Переворачивается в гробу, сердешная, когда тебя сейчас видит, крестничек.

ИЗБАЧ. Да вы слушайте этого серуна (засранца). Его туда по заданию советская власть направила, а он свои личные, куркульские вопросы решает.

Все без симпатии косятся на Избача. Арсей подходит к краю.

МОКРИНА (*уже потеряв всякий стыд, отчаянно*) Люблю, Арсей, люблю! Слезь, родненький!

АРСЕЙ. Замолчи, не позорься. Раньше надо было.

ИЗБАЧ. Работай, Печорица! А то я тебя полюблю.

ГОРОВЕЦ. Ну, я из-за своей бабы в Хороле топился, так я хоть плавать умел. А чтоб Арсей летать умел - я что-то не припомню.

Люди смеются. Арсей решительно лезет на колокол. И там, сидя на перекладине, начинает привязывать к нему веревку.

Среди людей недоуменный ропот.

ИЗБАЧ (радостно) Именем советской власти избавим народ от религиозного гнета. Превратим церкви в зернохранилища. Сдадим колокола на медь государству. Получим взамен трактора и другую технику!

Издалека видно – что-то черное катится с горы к церкви. из маленькой черной вороны он превращается в толстого батюшку в развевающейся рясе. Он бежит, спотыкается, падает, воздевает руки к небу. Но его никто не видит, все как замороженные следят за Арсеем. Больше никто не смеется и не говорит. Только хватают ртами воздух.

Арсей привязал веревку, теперь выносит его на веревке из колокольни.

СТРАННИК. Бить их нужно. Сейчас их нужно бить. Что вы смотрите, люди добрые?

ЖЕНЩИНА. Шо он делает, не пойму?..

МУЖИК. Колокол же упадет сейчас.

ЖЕНЩИНА. Или он нарочно? Не пойму никак...

Странник подходит к каждому, заглядывает в лицо.

СТРАННИК. Бейте их, не ждите. У нас под Гадячем уже давно началось... Забирают... Голодуем... Мрем, как мухи.

Мать Арсея мелко крести сына издалека.

МАТЬ АРСЕЯ. Господи прости его, Господи прости его, он не сбросит. Побалуется и не сбросит. Этого просто не может быть.

Арсей подтаскивает колокол к краю.

АРСЕЙ. Разойдись, а то зашибет.

ИЗБАЧ (восторженно). Запомните эту минуту, товарищи. С этой минуты у вас начнется другая жизнь. По необразованности своей вы не понимаете всей важности момента. Но мы откроем глаза темному народу. Вечером все должны быть в избе-читальне на лекции про методы по усилению антирелигиозной работы.

Эй, Арсей, давай, родной!

Долой, долой монахов,
раввинов и попов,
на небо мы залезем,
разгоним всех Богов.

Люди, как мыши, разбегаются в разные стороны, становятся поодаль. Арсей спускает колокол на веревке, но в середине пути колокол срывается и падает, с гулким стоном раскалывается на несколько частей.

Люди плачут и крестятся.

МОКРИНА. Какой же ты у меня дурачок, Арсей... Где же мы венчаться будем, ты не подумал?

Май 1931 года

Мокрина и Арсей выходят нарядные из сельсовета. Арсей торжественный, взволнованный и счастливый. Мокрина глупо смеется.

АРСЕЙ. Теперь мы муж и жена. Понимаешь? И твой батько ничего не скажет.

МОКРИНА. Скажет. Еще как скажет. В матюках, как в репьях будем.

АРСЕЙ. Я матюков не боюсь. Главное, что все законно, обратно не вернешь. Что ты смеешься, жена?

Мокрина закрывает рот руками, чтобы не рассмеяться. Арсей тоже улыбается, глядя на нее.

АРСЕЙ. Дурносмех ты у меня. Ну, чего?

МОКРИНА. Ой, отстань, Арсей... Ну, какая я жена?

АРСЕЙ. Законная. Вот же написано! Нас расписали в сельсовете. Теперь ты Мокрина Печорица, Арсея жена. Ты что?

МОКРИНА. Нет. А я не чувствую этого. Никому не показывай эту бумажку. Засмеют.

АРСЕЙ (*растерянно*). Сейчас всех так расписывают.

МОКРИНА. А я не верю в такое. Я разве на свадьбах не была? В церкви, красиво, моя сестра венчалась.

АРСЕЙ. Так ведь все равно, после сельсовета.

МОКРИНА. Пусть после сельсовета. А потом же по-настоящему?! И я так хочу.

АРСЕЙ. Мне так нельзя. Ты же знала. Зачем пошла тогда, согласилась? Что ты мне голову морочишь?

МОКРИНА. Я думала, что-то произойдет, перевернется, изменится. Я почувствую. Но ничего. Только стыдно, как в детстве. И все.

АРСЕЙ. Пойдем домой. Мама пирогов напекла.

МОКРИНА. Я и иду домой. К себе. Прости, Арсей. Не то это. И давай никому не скажем...

АРСЕЙ (*срываясь*). Гадина ты, Мокрина. Какая же ты гадина! Вот я отомщу тебе!

МОКРИНА. Не сердись.

АРСЕЙ. Это все твой батько! Его работа! Он еще не знает, что я скоро разбогатею!

МОКРИНА. А отчего ты бедный? Я бедности не боюсь. Но люди говорят, что твоему батьке советская власть в 19 году все дала. И землю. И кредиты. А вы снова бедные. Отчего так? Батько говорит, что это оттого, что вы только из под палки работать можете. Правда?

АРСЕЙ. Вот посмотришь через год, кто из нас бедный будет и кто из-под палки. Дурочка, одно твое спасение – женой моей быть. Раскулачивать вас скоро начнут. Придешь же ко мне хлеба просить. МОКРИНА. А ты не дашь?
АРСЕЙ. На порог не пущу.

Мокрина смеется.

МОКРИНА. В церкви обвенчаемся. Потом.

Мимо проходит СТАРА БАБА С ПУСТЫМ ВЕДРОМ.

МОКРИНА. Добрый день, титонько.
СТАРА БАБА. Доброго дня, дитинко...
АРСЕЙ. Добрый день.
СТАРА БАБА (Арсею). Геть, зараза.

Стара Баба недобро смотрит на Арсея и обходит его скорее.

АРСЕЙ. Чего она на меня зыркает, ведьма старая?
МОКРИНА. Отчего то тебя люди перестали любить.
АРСЕЙ. Я ничего не понимаю. Я для тебя на все готов. Хочешь в церковь? Поехали в Сорочинцы. И пусть меня в тюрьму посадят! И пусть моя мать от голоду умрет! Ты этого хочешь? Я на все готов для тебя!
МОКРИНА. Не надо так.
АРСЕЙ. А как? Как ты хочешь?!
МОКРИНА. По-людски. (по человечески).
АРСЕЙ (выходит из себя). Ах, по-людски! Иди ты к ебням, проклятая куркулька!

Толкает Мокрину в грудь. Она падает на забор. Он разворачивается и уходит. Дорогу ему переходит Стара Баба с пустым ведром. Подходит к Мокрине, помогает подняться. Мокрина смотрит вслед Арсею, плачет.

СТАРА БАБА. А я сон видела, как твой Арсей ко мне пришел и все вареники съел. А сегодня мне Артюх сказал, что завербовался Арсей в активисты с другими голодранцами. Будут хлеб забирать у людей и 25 процентов от этого себе в карман. Такие дела. Так шо не плачь за ним, дитинка.

21 ноября 1932

Семья Старицких сидит за столом. Большая семья. Одиннадцать детей, мать и отец. Много вареной картошки. Квашеной капусты. Сало. Хлеб. Молча с аппетитом едят деревянными ложками из общих тарелок. Дети шепчутся и хихикают, но затихают под строгим взглядом отца.

ФЕОДОСИЙ. Добрый борщ, Оляна. Только кислоты не хватает.
ОЛЯНА. Так квашеный буряк (свекла) кончился.

ФЕОДОСИЙ (*изумленно приподняв бровь*) Как кончился? Ты что, Оляна? Как такое может быть?

Оляна удивленно поводит плечами, сама не понимая, как такое могло случиться.

Еще некоторое время молча едят. Феодосий откладывает ложку.

ФЕОДОСИЙ. И все-таки я не понимаю. Век живу, а борщ без квасу не ел. Хлеб кончился. Картошка. А чтобы квас?!

ОЛЯНА. Сама не знаю, я ж на всю зиму наквасила... А тут смотрю – в бочке на дне осталось... Такого еще и не было... И буряки кончаются...

МОКРИНА. Проживем без буряков, тату.

ФЕОДОСИЙ. Интересно. Сначала без буряков проживем, потом без хлеба проживем. А потом и без Бога. Красивые же мы будем люди после этого. Что же от нас останется?

В дверь раздается настойчивый стук.

ФЕОДОСИЙ. Кто это там?

Открывается дверь. На пороге стоят агитаторы.

Испуганное семейство разом встает из-за стола и становится вдоль стены. К ним присоединяются остальные крестьяне.

Агитаторы дают концерт перед молчаливым народом.

У каждого крестьянина в руках по пустой миске и деревянной ложке.

АГИТАТОР.

Предпоследнее представление в науку обманутому населению.

Наглядное пособие для куркульских пособников.

(*объявляет*) Картина первая.

Куркуль не хочет записываться в колхоз.

За стол садятся Машка и Василий, карикатурно переодетые в украинских крестьян. Машка в пестро вышитой сорочке, очипок на голове. За пазуху намостила чего-то, для увеличения груди. Рядом переодетый Вася, с наклеенными усами и "оселедцем" на голове.

Они не похожи ни на кого из стоящих крестьян. На столе бутафорский жареный поросенок, каравай, галушки.

Выходит агитатор Юрка, одетый бедным комсомольцем. Широко и приветливо улыбается.

ЮРКА. Здравствуйте, люди добрые!

МАША И ВАСИЛИЙ (*не добро*). Здравствуй,

ЮРКА. От имени советского государства приглашаю вас вступить в колхоз.

МАША. Не пойдем.

ЮРКА. Почему?

ВАСИЛИЙ. Не хотим работать для государства. Хотим работать для себя.

ЮРКА. В колхозе всем будет лучше.

МАША. А мы не хотим, чтобы всем было лучше. Мы хотим, чтобы нам было хорошо.

ЮРКА (*обвинительно указывая на них пальцем*).

Вы – куркули-единоличники.

Народ ахает. Маша и Василий сжимаются в страхе и ненависти.

АГИТАТОР ИВАН ИВАНЫЧ. Картина вторая.

Куркуль не хочет отдавать хлеб и имущество государству.

Маша и Василий всю бутафорию со стола прячут в печь. Садятся за пустой стол.

Входит Юрка. Василий и Маша злобно смотрят на него.

ЮРКА. Доброго дня вашей хате.

Василий и Маша молчат.

ЮРКА. Советское государство просит вас о помощи.

ВАСИЛИЙ. У нас ничего нету.

ЮРКА. Как нет? А хлеб? Сдайте государству лишний хлеб.

МАША. У нас нет лишнего хлеба.

ЮРКА. Отдайте в колхоз ваших лошадей, коров и свиней.

ВАСИЛИЙ. У коров сейчас короста, у свиней лишай, а кони у нас старые и больные клячи. Уходи. Ничего ты от нас не получишь.

ЮРКА (*уходя, с болью*).

Мы просили вас по-доброму.

Мы к вам пришли со всею душою.

А вы отвернулись к советской власти широкой равнодушной куркульскою спиною.

Уходит.

АГИТАТОР ИВАН ИВАНЫЧ.

Картина третья.

Активисты-комсомольцы конфискуют у куркуля спрятанный хлеб, украденный у государства.

На сцену выходит Юрка вместе с Арсеем, Гаврилом и Юхимом.

"Куркули" Маша и Вася испуганно жмутся у стены рядом с народом.

ЮРКА. Верните хлеб государству.

МАША. Нету хлеба, ироды. Детей нечем кормить.

ЮРКА. А это что?

Лезет в печь и начинает, как фокусник, доставать оттуда каравай за караваем, каравай за караваем, передает активистам – Арсею, Гавриле, Юхиму.

МАТЬ МОКРИНЫ ОЛЯНА (*выступает из толпы, отчаянно*). Ироды, детей нечем кормить!

АРСЕЙ. А это что?

Достает палку с острым железным наконечником и начинает протыкать стены, пол, потолок. Отовсюду щедро сыплется зерно пшеницы. Ревет подгоняемый испуганный скот за окном. Визжат поросята.

Юхим открывает сундук и застывает на секунду, словно зачарованный содержимым. Достает оттуда красивые платки, вышитые рушники, сорочки. Арсей подхватывает.

Агитаторы вовлекают в представление и крестьян (не всех), снимая с них платки, сапоги, кожухи и свитки... Все отдают добровольно, словно подыгрывая как в цирке фокусникам. Кто-то несмело сопротивляется. Например, Баба с ведром не хочет отдавать ведро, но у нее забирают. Особенно долго стягивают сапоги с одного деда... Он пинается, ругается матом, плюется, проклинает.

СТАРИК: Еби твою мать! Червоні бляді! На хуй всі! Не віддам чоботи! Шоб ви всі в аду горіли! Шоб вас чорти забирали! Шоб ваші діти босі ходили і щастя не мали! (может, пусть по-украински ругается? Или это примерно то же, что говорит «украина» по украински?:))

Его утаскивают со сцены вместе с сапогами. Маша и Василий, выйдя из своих ролей, собирают конфискованное и уносят со сцены.

Наступает тишина.

Юрка отступает назад.

Маши и Василия уже не видно.

Только агитатор Иван Иванович на своем месте.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Конфискованное имущество за бесценок распродают беднякам. Разве не заслужили они за годы бедности и бесправия носить сорочки из тонкого льна и сапоги из свиной кожи?

Задав этот риторический вопрос Иван Иванович уходит

На сцену выезжает воз с реальной домашней утварью. Там не только праздничная одежда, но и повседневная. Так же миски, бочки, горшки, ведра и коромысла...

Выходит Мортко и Арсей, но Арсея можно не сразу узнать: он в шинели, как у Мортко и в кожаной кепке. Немного смущается, но в то же время рисуется.

МОРТКО (дружелюбно). Разве не заслужил ты за годы бедности и бесправия носить хорошую одежду?

АРСЕЙ. Я с детства мечтал про такую шинель.

МОРТКО. Мечты сбываются, Арсей. И бедняки твоего села тоже про это мечтали. Так подари им мечту сейчас... Не смогут купить – задаром отдавай куркульское добро. И люди тебя добрым словом вспомнят. И девки тебя любить будут.

АРСЕЙ. Да и так любят. Да не те.

МОРТКО. Ты просто не тех выбираешь.

АРСЕЙ. Она из раскулаченных.

МОРТКО. Это хорошо. Значит, она теперь как все. Значит, она тебе пара.

АРСЕЙ. Ох. Не сказал бы я.

МОРТКО. Будет твоя. Вот увидишь. Выучишься в партшколе, станешь большим человеком... Она тебя сильно полюбит.

Поощрительно хлопает по плечу. На площадь возвращаются крестьяне. Сильно постаревшего Феодосия под руки выводят Онисько и Мокрина. Так он и стоит, опираясь на своих старших детей. Мортко ободрительно улыбается Арсею.

МОРТКО. Давай. Как я тебя учил. Главное начать, а потом не останавливаться.

Арсей неуверенно подходит к возу. Односельчане мрачно смотрят на него. Мортко тоже со стороны наблюдает за Арсеем.

АРСЕЙ. Доброго дня... День-то сегодня какой, а? Солнышко вышло...

Все молчат. Смотрят на Арсея. Арсей неуверенно смотрит на Мортко, тот ободряюще ему улыбается.

АРСЕЙ (сначала неуверенно, но потом все смелее). Да что там солнышко... Подарков вон целый воз. Подходите люди добрые. Ближе подходите. Сейчас вот что делать будем... Будем куркульское добро беднякам раздавать... За копейки раздавать... Почти даром...

ГОРОБЕЦ. Это как это? Силой у людей забрали, а теперь раздаете? Зачем тогда забирали? Вот умники.

САМСОН. Выходит, я в соседа кожухе ходить буду, а он мерзнуть от холода? Да он со мной здороваться перестанет.

КТО-ТО ИЗ ТОЛПЫ. А разве мы мало мерзли? Пусть теперь и они померзнут. Пусть побывают в нашей шкуре, а мы побываем в их.

Арсей достает кожух из кучи одежды.

АРСЕЙ. Вот вам и кожух.

АРТЮХ. Это ж Феодосия кожух.

АРСЕЙ. Хм... Гарный кожух, правда? Стоил Феодосию не меньше десяти рублей. А я за три отдам. Почти даром.

ФЕОДОСИЙ. А что ты потом на эти деньги купишь, сынок?

АРСЕЙ. А мы эти деньги государству сдадим, а государство на эти деньги сирот накормит.

ЛЮДОЕДКА: А я, пожалуй, возьму кожухок. Поддержу сиротинок. Ничего, Феодосий? Не обидишься?

ФЕОДОСИЙ. Бог тебе судья.

ЛЮДОЕДКА. Так Бога ж отменили. А я всегда хотела такой как у тебя. С вышивкой и позолоченными пуговицами. Люди добрые, не стесняйтесь. Не век же голодранцами ходить.

Подходит к Арсею, дает три рубля. Накидывает на себя кожух. Довольная.

КТО-ТО. Бесстыжая.

АРСЕЙ. А вот посмотрите на этот горшок. Это ж не просто горшок, в каком мы привыкли борщ варить... Это расписной горшок из самого Киева. Видите, тут и написано «Киев». 20 копеек. Кому горшок?

АРТЮХ. О, это же покойного Марка горшок.

КИЛИНА. Не берите, людоньки. Ему, бедняге, перед смертью, не в чем было воды попить.

ГАВРИЛО. Зато было во что посцать. В штаны.

Гаврило глупо смеется, но никто не подхватывает. Арсей отставляет горшок. Достает женскую сорочку.

АРСЕЙ. Не хотите горшок? Возьмем сорочку. Из беленого льна. В таких только паны и ходили... В этих сорочках они на перинах валялись, пока мы на их земле горбатились... Даром отдаю. Кто хочет? Килина, возьмишь? Я тебе так подарю.

КИЛИНА. Не надо мне Мокринкина сорочка.

АРСЕЙ (опешив, растерянно Мокрине). Так это твоя? Возьми, голубка...

Мортко делает предостерегающий жест.

АРСЕЙ. Нет, не дам... Раскулаченным крестьянам не полагается.

КАКАЯ-ТО ЖЕНЩИНА. Я возьму. Не для себя. Для дочки. Она болеет у меня... Пусть порадуется.

Берет сорочку, старается не смотреть в глаза никому. Уходит. Арсей достает панталоны. Кто-то смеется. Мокрина, узнав в них свои, закрывает от стыда лицо рукой.

ГАВРИЛО. А это видать Мокринины панталоны.

АРСЕЙ. А ты откуда знаешь, чучело?!

ГАВРИЛО. А она покраснела. Это ты сейчас без ничего, Мокрина? Вот бы посмотреть.

ОНИСЬКО. Ах ты мелочь пузатая! Я тебя за сестру сейчас яйца оторву!

Онисько, бросив отца на Мокрину, лезет драться к Гавриле. Гаврила убегает со всех ног.

МОКРИНА. Не надо, братику. Не связывайся. Гаврила всегда всех дразнит. Что с него взять?

АРСЕЙ. Я с ним потом поговорю. Он больше тебя не обидит, Мокрина.

МОКРИНА. Отдай мой платок, Арсей. Мне голову прикрыть нечем. Ты же вроде как сватался ко мне. А тут все мое приданое.

АРСЕЙ. Я тебя без приданого возьму. Мне кроме тебя ничего не нужно. Вот выучусь в партийной школе и женюсь на тебе. Дождешься меня?

ОНИСЬКО. Она с тобой срать на одном поле не станет, голодранец.

АРСЕЙ. Ах ты ж недобиток! Я вашу семью от Сибири может спас, а ты все меня моей бедностью попрекаешь?

ОНИСЬКО. А мы сколько раз твою семью спасали, забыл? Когда у вас пшеница не родила! Когда твой отец в луже замерз! Что с тобой стало, Арсей? Ты же был другим! Мы ж росли вместе, на базар торговать ездили, в ночное ходили... а теперь ты против нас идешь... Своих братьев грабишь и не стыдишься этим, а похваляешься... Люди добрые, что вы как стадо коров на все это смотрите! Берите палки, берите огонь и давайте защищать наше добро! Нашу жизнь и семьи! А то такие как Арсей будут в наших одеждах ходить, наших сестре портить!..

Люди волнуются, шумят.

АРСЕЙ. Замолчишь ты, наконец, куркульская морда!

Арсей бросается на Онисько. Хочет его ударить, но запутывается в фалдах шинели и падает. Все смеются. Мокрина, ахнув, бросает отца, подбегает к Арсею и помогает встать.

Мортко поднимает пистолет и целиться в Онисько.

Феодосий, оставшись без опоры, падает на землю.

На площади громко и неожиданно включается радио. Все застывают, слушая его. Онисько под прицелом Мортко. Мокрина, поддерживает Арсея и смотрит на Феодосия. На лицах людей исторический ужас.

РАДИО. Руководимая Сталиным партия провела чрезвычайные меры против кулачества и сломала его сопротивление. Вредители были сурово наказаны. Товарищ Сталин призвал партию извлечь уроки и потребовал от большевиков-хозяйственников самим стать знатоками техники, специалистами и ускорить подготовку новых технических кадров из рабочих и крестьян.

Арсей оставляет Мокрину, берет узелок с вещами, вместе с ним идет Гаврило и Юхим.

Мокрина И Килина машут платочком вслед уехавшим парням.

МОКРИНА и КИЛИНА (*причитает*).

Ой, куда ж ты мой друг, собираешься,
Чи в ход, чи в поход, чи в дориженьку,
Заночуй же мой друг, хоть сю ниченьку.

На сцену снова выходит Иван Иванович.

АГИТАТОР ИВАН ИВАНЫЧ.

Картина четвертая.

За сопротивление коллективизации.

КНИЖНИК МОРТКО (не опуская оружия)

Шевчук Секлета, Старицкий Феодосий, Старицкий Онисько, Мельник Килина, Присяжнюк Олекса, Пастух Павло, Гаврилук Мотря.
За сопротивление коллективизации. Именем светской власти. На выход.

Все названные делают шаг вперед. Здоровые красивые мужчины и женщины. В том числе брат и отец Мокрины. В том числе и Килина.

Под звуки выстрелов враги коллективизации уходят со сцены.

АГИТАТОР ИВАН ИВАНЫЧ.

Картина шестая, заключительная. Истинное лицо куркуля.
В то время как рабочий класс трудится на фабриках и заводах, в то время, как советская молодежь строит железные дороги и ДнепрогЭС, украинские куркули воруют друг у друга последнее зерно, уводят последних коров, пасутся как скотина в поле. Они готовы на все, лишь бы не работать на Советскую власть.
Участились случаи мародерства и людоедства.

Людей почти нет. Только Оляна, Мокрина, и еще несколько человек то ли спят, то ли просто сидят с закрытыми глазами, прислонившись к тыну.

Оляна сидит рядом с маленьким сыном Тодосем. Тодось наливает в тарелку воду. Ест ее маленькой ложечкой. Тоскливо приговаривает.
ТОДОСЬ. Мамо, исты хочу.

Оляна рассказывает сказку.

И снова ест из тарелочки пустую воду, как суп. И плачет. Оляна бессильно смотрит в одну точку. Вдруг Людоед в дальнем углу тонким приятным голосом зовет Тодосю.

ЛЮДОЕДК. Тодось, Тодось, иди до мене, я тебе дам есть и пить... У меня есть бурячок, и есть морковка, у меня есть юшка из ежа, у меня есть затирка, у меня есть свежая крашанка (яйцо)...

Тодось встает и идет на голос вместе с тарелочкой и ложкой. Оляна хочет позвать сына, но не находит в себе сил пошевелиться или издать какой-либо звук. Людоед любовно принимает Тодосю в свой коух и исчезает со сцены.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Что ж, товарищи, добьем же остатки кулацкой заразы и войдем в светлое будущее очищенными и обновленными. Ура.

Осталось немного. Терпение, братья!

Потуже затянем ремни.

Кулацкому гаду – наше проклятье

В советское утро отправимся мы.

Из-за кулис под жизнеутверждающую советскую музыку выбегают Маша, Василий и Юрий. Они одеты в простые, яркие одежды, излучают счастье и радость. Исполняют танец победы.

24 марта. 1933 год

Московская квартира Вольтера Дюранти. Роскошь и комфорт. Сам Дюранти в уютном клетчатом халате сидит в кресле качалке и читает книжку Гоголя. Прислуга Даша вытирает пыль с бронзовых статуэток.

ДЮРАНТИ. Только послушай, Дашка, как вкусно пишет этот чертов Гоголь про малороссов:

"Зато уже как пожалуете в гости, то дынь подадим таких, каких вы отроду, может быть, не ели: а меду, и забожусь, лучшего не сыщете на хуторах. Представьте себе, что как внесешь сот – дух пойдет по всей комнате, вообразить нельзя какой: чист, как слеза или хрусталь дорогой, что бывает в серьгах. А какими пирогами накормит моя старуха! Что за пироги, если бы только знали: сахар, совершеннейший сахар! А масло так и течет по губам, когда начнешь есть. Подумаешь, право, на что не мастерицы эти бабы! Пили ли вы когда-либо, господа, грушевый квас с терновыми ягодами или варенуху с изюмом и сливами? Или не случилось ли вам подчас есть путрю с молоком? Боже ты мой, каких на свете нет кушаньев! Станешь есть – объядение, да и полно. Сладость неописанная! Приезжайте только, приезжайте поскорей; а накормим так, что будете рассказывать и встречному и поперечному..." А? Каково? Поехать что ли?

ДАША. Бывала я на Украине. В гостях у дедушки под Полтавой. Так я нигде так хорошо не ела, как у него.

ДЮРАНТИ. А говорят, голод... Врут, ведь, правда? Нет, надо поехать и увидеть все своими глазами. Путрю с молоком попробовать, варенуху с изюмом и сливами... Вот допишу статью и поеду. А нет ли у нас чего вкусного, Даша?

ДАША. Икорки с водочкой не желаете?

Даша выходит на кухню. Дюранти откладывает книжку. Бодро печатает на машинке статью.

"На самом деле, нет ни голода, ни голодных смертей. Есть поширенные случаи смерти от болезней, вызванных недоеданием. Если через климатические условия урожай пропадет, России действительно будет угрожать голод. Если нет – теперешние трудности быстро забудут".

Что-то еще быстро печатает.

На конверте пишет адрес, вслух перечитывает: "Нью-Йорк таймс". Обратный адрес. Москва... Козихинский переулочек... Вольтер Дюранти.

Откладывает машинку. Заходит Даша с подносом.

24 марта 1933

*Арсей растерянно стоит посреди избы-читальни.
Смотрит на Книжника Мортко, который горько плачет за своим
столом.*

*На столе лежит его паек – хлеб, сало, соль.
В углу напротив что-то шевелиться.*

АРСЕЙ. Что с тобой случилось Книжник? Перестань. Я приехал
помогать тебе.

МОРТКО. Вернулся? Руки опускаются... (показывая в угол на
шевелиющуюся кучу) Разве это люди? Разве с ними коммунизм
построишь? Чуть не съели меня. Бездельники! Аглоеды! Воры!
Блядская нация! Не хотят работать. На пана работали. На
советскую власть не работают. Твари! Где хлеб? Несите хлеб по-
хорошему! Все попрятали! Все сожрали!

АРСЕЙ. Не слышал про Мокрину Старицкую? Что с ней?

МОРТКО. Умерла. Простудилась и умерла на прошлой неделе. Все
Старицкие померли от простуды.

АРСЕЙ. Как умерла?! Я же просил тебя!

МОРТКО. Наелась тухлой конины и померла.

АРСЕЙ. Ты не перепутал?

МОРТКО. А, так перепутал. По ошибке на труповозке вывезли еще
живую и закопали в общей яме.

АРСЕЙ. Мортко?!

МОРТКО. Ха. Вспомнил. Ее людоед съел. Людоед Самойленко. С твоей
улицы. Что смотришь? Замуж вышла твоя Мокрина за сына
председателя. Теперь жирует на всем казенном. У него, знаешь
пайки какие? Там и мясо, и рыба, и масло, и белый хлеб...

*Из угла раздается голодный стон. Арсей в смятении смотрит на
Мортко.*

МОРТКО. В речке потонула. Вытащили труп аж за селом.

*Хохочет, как сумасшедший. Неожиданно прерывает смех.
Задумывается.*

МОРТКО. Мокрина-Мокрина-Мокрина... (в угол) Кто такая Мокрина, не
помню?

*Из шевелящейся свалки отделяется фигура, отдаленно напоминающая
человека. Она толкает впереди себя какое-то существо. Лохмотья
на существе шевелятся. Оно идти не может. Падает к ногам Арсея.
Арсей брезгливо отшатывается.*

АРСЕЙ. Что?

ЧЕЛОВЕК. Это Мокрина.

*Арсей долго смотрит на существо. Наконец, узнает черты.
Прижимает к себе безразличную Мокрину.*

АРСЕЙ. Мокринка... Девочка... Живая...

Отрывает от груди, рассматривает. Ловит вшей с ее лица, одежды, волос. Они прыгают и на него.

Развязывает свой вещь-мешок, достает оттуда хлеб. Безразличие Мокрины сменяется алчным интересом. Арсей дает ей хлеб. Из угла раздаётся вой, человеческие существа быстро ползут к Арсею, протягивают руки. Арсей всем раздает по кусочку. Книжник Мортко со странным спокойствием наблюдает эту картину.

МОРТКО. Правильно. Нужно помогать. Правильно, Арсей. Помогай людям. Пусть знают – новая власть лучше старой.

Забирает свой паек. Выходит.

Мокрина проглотила хлеб, теперь целует ноги Арсею. Арсей поднимает ее с пола.

АРСЕЙ. Теперь все. Будешь жить, Мокрина. Будешь жить, любовь моя. Я все сделаю.

Мокрина лезет в вещь-мешок. Но Арсей забирает его.

АРСЕЙ. Нельзя больше, будет плохо. Нельзя, потерпи.

Мокрина рычит и кусает Арсея, тот мягко отстраняет ее.

АРСЕЙ (смеется). Не кусайся, дурочка.

15 апреля 1933 года

Ночь. Полная луна на небе. Два молодых активиста сладко спят под вишней с винтовками около бывшей церкви – теперь это зернохранилище. Нет креста на куполе церкви, нет колокола на колокольне. Окна наглухо забиты досками. На дверях огромный замок.

Тихо крадутся Горобец и Самсон. В руках – пустые мешки.

ГОРОБЕЦ (кивает на охранников). Не проснуться?

САМСОН. Я им полтора литра поставил. Спят, как голуби.

Останавливаются перед задней частью зернохранилища. Ломом отбивают прибитые к маленькому низкому окошку доски.

ГОРОБЕЦ (окну, с нежностью). Эх, ты наше родное оконце... Если бы не ты, давно бы на село с кладбища смотрели бы. (вспомнив неприятное) Только знаешь что? Я теперь не полезу. Теперь твоя очередь.

САМСОН. Тю. Посмотри на меня. Я ж не пролезу. А ты что? Мышей боишься? Или темноты?

ГОРОБЕЦ (*членораздельно*). Я мышей не боюсь. Но когда в прошлый раз они по мне побежали, по рукам, по лицу... как то так... не по себе стало. Чуть криком не закричал.

САМСОН. Ты как баба, Горобец. Кто ж сейчас мышей боится?

ГОРОБЕЦ. Говори, что хочешь.

САМСОН. Так я не пролезу, Горобец! Мы же договаривались – я сторожу, ты за зерном ходишь.

ГОРОБЕЦ (*ноет*). Где правда, Самсон? Я да я... Там гнилью воняет, темно, как в жопе, рукой зерно загребаешь, а оно от мышей шевелиться... Спичку поджег – а они шух-шух и зыркают из углов погаными глазами... Да лучше я с голоду опухну... Не пойду, Самсон.

САМСОН. Может, как в прошлый раз – сто грамм налить?

ГОРОБЕЦ. Я в прошлый раз черта видел. С большими усами. Не полезу.

САМСОН. А я собирался затирку сварить. Ну шо ж... И полтора литра, выходит, зря перевели на этих говнюков? А сестра твоя дома голодная...

ГОРОБЕЦ (*после мучительных колебаний*). Ну, хорошо. В последний раз. Сторожи.

Глубоко вздохнув, Горобец, перекрестившись, лезет в оконце. Самсон его поддерживает. Исчезает на какое-то время. Самсон прячется в тень. Тишина. Вдруг Горобец вылезает обратно. С пустым мешком. Самсон выходит из темноты.

САМСОН. Чего с пустым мешком?

ГОРОБЕЦ (*сопит, после паузы*). Я мышей не боюсь.

Самсон в сердцах сплевывает. Забирает мешок у Горобца.

ГОРОБЕЦ (*дружелюбно-виновато*). Мне кажется, ты пролезешь. Ты похудел, бля буду.

САМСОН. Ну, смотри, если что – соловьем.

Горобец имитирует трель соловья.

САМСОН. Хорошо.

Нерешительно стоит перед узким проемом.

ГОРОБЕЦ. Ты вперед руками и головой ныряй, вот так. Плечи пройдут, а дальше я подтолкну.

Самсон делает, как ему советует Горобец. Действительно, руки, голова и плечи, с некоторым усилием, но проходят. А зад застревает.

ГОРОБЕЦ. Ничего-ничего, сейчас-сейчас...

Суется вокруг задницы Самсона, толкает внутрь. Но безуспешно.

Та ты поднатужься, Самсон. Руками там обопрись... Зацепись... Рвани...

Мычание Самсона. Горобец устал толкать. Разозлился.

От разожрался, свиная морда... От людей ничего не осталось, и только ты, жирный хряк, растешь как на полове...

Где ты только такой народился? Все люди, как люди, от голоду сохнут, пухнут, умирают, а с тобой ничего не делается... Чтоб тебя разорвало, жирная твоя морда! Еби твою мать, сукин сын! Да ныряй уже, паскуда!

Пару раз пинает ногой под зад Самсона, понемногу успокаивается.

Сходили, блядь, за зерном. Давай обратно, что ли...

Тащит за ноги обратно. Но Самсон и обратно не лезет. Горобец тревожиться все больше

Самсон, родной, потужся. Или туда или сюда. А то мы до утра просидим. Ну, братику, ну прошу тебя...

Ничего. Только громкий пук раздался из чрева Самсона.

Фу, зараза! (пугает его) Эй, Самсон, я шаги слышу! Идет кто-то!

Изображает трель соловья. Ноги Самсона начинают выделять такие выкрутасы, точно он на велосипеде едет.

(радостно) А, зашевелился!.. Ну, слава Богу... Только в штаны не наложи. (испуганно прислушавшись) Ой... Теперь точно кто-то идет... Господи, активисты после собрания ... Вот черти несут! Это нам хана... Боже, помоги! Самсон!

Отчаянно заливаётся соловьем. Тащит Самсона за ноги. Падает без сил. Понимает, что все. Плачет.

Прости, братик... Сиди, как мертвый... Не шевелись.

Исчезает в кустах и дает деру.

Выходят Арсей и Мортко.

АРСЕЙ. А что, Мортко... Ночь какая... Соловьи заливаются... Вот так заседаешь до утра и ничего вокруг не замечаешь.

МОРТКО (подозрительно). Рановато для соловьев, Печорица.

АРСЕЙ (мечтательно). Это у вас на севере – рановато. А у нас весна ранняя и соловьи... Я когда с невестой гулял – все соловьи заливались. Повторяться ли они, эти ночи?

МОРТКО. Вот о чем ты думаешь? Ты пойми, дорогой мой, когда ты думаешь про ночи с девушкой, ты забываешь про дни. Трудные дни, дни борьбы с врагами. Где хренова охрана, не пойму?

Свистит. Тишина. Смотрит по сторонам, видит спящих охранников.

(доброжелательно) Посмотри на этих засранцев, спят, суки. Хорошо, что мы этой дорогой пошли.

Подходит к двум охранникам, пинает их ногой.

Пьяные в стельку! Блядь! А ты говоришь, соловьи!

Бьет сапогом, расталкивает. Один из охранников подает первые признаки жизни. Продрав глаза – видит Мортко. Испуганно мычит, пытается встать на ноги, валиться обратно.

(доброжелательно) Что с ними делать будем? Расстрелять на месте без суда и следствия?

АРСЕЙ (смеется). Да это ж Гаврило с Юхимом. Что с них взять? Я их с детства знаю. Они за бутылку с колокольни прыгнут.

МОРТКО. Допрыгались уже. Принеси, Арсей, воды, что ли, из колодца. Будить будем.

АРСЕЙ. Ага...

Делает несколько шагов в сторону. Цепляется о ноги Самсона. Падает. Испуганно вскакивает.

АРСЕЙ. Блядь, Мортко, тут живое что-то.

Отпрыгивает на безопасное расстояние. С ужасом смотрит на окно, из которого торчит две ноги.

МОРТКО. А ты говоришь, соловьи.

Подходит к ногам. Стучит по ним. Ноги реагируют.

МОРТКО. Живой. Ого! Чьи ж это копыта могут быть? Здоровые.

АРСЕЙ. Самсон, ты?

В ответ – глухое мычание.

АРСЕЙ (с облегчением). Самсон это. Слава Богу... Что он тут делает, зараза?

МОРТКО (спокойно). Зерно ворует, вот что. Застрыл по дороге.

Один из сторожей Юхим, понемногу приходящий в себя, начинает мычать что-то получленораздельно, показывая на ноги Самсона.

ЮХИМ. Спойл... Спойл, гадина... Не виноват я...

Арсей начинает смеяться. Мортко вместе с ним. Мортко первым прерывает смех.

МОРТКО. Чего ты ржешь? Ему ж там плохо. Вытаскивать надо. Или знаешь, что? Давай ему между пальцев спички вставим и подпалим. Он сам пулей вылетит.

Арсей смеется.

АРСЕЙ. Он крестный мой... Не красиво так с крестным.
МОРТКО (морщится). Какой крестный у советского активиста?
АРСЕЙ (смущенно). Ну, это... Почти как родственник.
МОРТКО. Родственник, говоришь? Тогда сам тащи. Я надрываться не буду.

Арсей хватает Самсона за ноги и, после некоторых усилий, вытаскивает.

На заднем планет один сторож пытается растолкать другого. Безуспешно. Гаврило спит, как убитый.

ЮХИМ. Гаврило... Гаврило... Вставай... Пиздец нам полный...

Арсей и Мортко помогают Самсону выбраться. Красный, грязный Самсон сидит на земле и трудно дышит.

АРСЕЙ. Как же ты, Самсон, такое придумал, а?

МОРТКО. А дружок твой, Горобец, деру дал?

САМСОН. Один я...

МОРТКО. Ну-ну, один так один. Ответишь за двоих. Эй, Юхим, отрезвел уже?

ЮХИМ. Да я как огурец...

Пытается с трудом встать. Его шатает.

МОРТКО. Спойл тебя Самсон?

ЮХИМ. Спойл, гад. Насильно вливал. Знал мою слабость.

САМСОН. Что ж ты пиздишь? Я тебя не заливал. Ты бутылку увидел – присосался, как змей.

МОРТКО. А я все на тебя смотрел, Самсон, и думал. Где ты свое здоровье берешь? Теперь знаю – воруюсь у государства.

САМСОН. Если это зерно государству нужно – почему оно здесь гниет? Гнилое оно, может, вы не знаете?

МОРТКО. А это не твое дело. Значит, так надо.

САМСОН. Так люди ж мрут, как мухи.

МОРТКО. Это не люди. Это враги, такие как ты.

САМСОН. Какой же я враг? Я как все. Я есть хочу.

МОРТКО. Единоличник ты. Про жир свой думаешь.

АРСЕЙ. Он больше не будет так, да, Самсон?

САМСОН. Я не буду.

МОРТКО. Не будешь? Вот и молодец. Куда пошел? Стоять. Юхим, ты знаешь, что за то, что ты на посту пьяным уснул – тебе расстрел полагается?

ЮХИМ. Так я тоже не буду больше, Книжник... Бля буду, не буду...

МОРТКО. Как дети. Больше не будут. Вот молодцы. Ты ружье хоть не пропил?

ЮХИМ. Вот оно.

МОРТКО. Заряжено?

ЮХИМ. А как же!

МОРТКО. Ну, тогда герой. Повернись-ка спиной, Самсон. Или нет, хочешь так стой. Именем советской власти приговариваю тебя к смертной казни через расстрел. Юхим, выполняй.

Все удивленно смотрят на Мортко.

ЮХИМ. Шо?

МОРТКО. Не шокай, пенек. Выполний.

АРСЕЙ. Та хватит, Мортко.

МОРТКО. Не понял?

АРСЕЙ. Ну, того, ты чего...

Мортко медленно разворачивается и смотрит на Арсея.

МОРТКО. Арсей, я тебя не пойму что-то... На твоих глазах был пойман государственный преступник, а ты мычишь мне тут как корова.

АРСЕЙ. Так это... Есть же суд.

МОРТКО. Разве ты не знаешь, что я представляю власть на этом месте и у меня есть полномочия выносить и исполнять приговор без суда и следствия?

АРСЕЙ. Так оно ж гнилое. Разве убивать за гнилое зерно?

МОРТКО. Несознательный ты товарищ, Печорица. Пугаешь ты меня. Предстоит нам с тобой серьезный разговор. Потом. Юхим, ты чего застыл?

ЮХИМ. Так я ж... Я ж не могу.

МОРТКО. Он и тебя крестил?

ЮХИМ. Так он сосед мой...

МОРТКО. А! Хороший сосед. Соседей нужно жалеть. А скажи, Юхим, когда ты от водки чуть не спорел, а жена твоя по людям побиралась – кто тебя из-под забора поднял, работу дал, когда от тебя уже ничего не осталось? Сосед?

ЮХИМ. Ты, Мортко.

МОРТКО. Неправильный ответ. Советское государство тебя пожалело, от смерти спасло. А ты спишь на посту и преступникам помогаешь.

ЮХИМ. Та я его!

Поднимает ружье. Прицеливается. Опускает.

ЮХИМ. Можно он спиной станет?

МОРТКО (Самсону). Стань спиной.

САМСОН. За что?

МОРТКО. Стань спиной.

АРСЕЙ. Мортко, та плюнь на них. У них и так штаны полные.

МОРТКО. Что ж ты, Юхим, долго томить нас будешь?

АРСЕЙ. Хлопцы, это ж шутка!

Юхим прицеливается дрожащими руками и выстреливает в согнувшегося от страха Самсона. Пуля пролетает совсем рядом. Затихают соловьи. Становится заметно – что светает.

МОРТКО. О, светает.

Юхим с ужасом смотрит на ружье. Самсон на Юхима. Арсей смотрит на улыбающегося Мортко.

МОРТКО. Эх, ты. Сторож херов. Веди этого ворюгу в холодную. Завтра будем думать, что с ним делать. Вам уши позакладывало? Нет, стойте. А что нам с Гаврилой делать?

АРСЕЙ. Ну, проспится пусть.

МОРТКО. Правильно. Пусть проспится. Хлопцы, а-ну, давайте взяли его и в зернохранилище вместо Самсона.

Юхим и Самсон нервно хихикают. Переглядываются.

МОРТКО. Что ж вы, хлопцы, как не родные. У вас юмора что ли нету? Засуньте его головой вниз. Он худой, пролезет.

Юхим и Самсон берут пьяного спящего Гаврилу и засовывают в оконный проем. Проталкивают, слышно, как он щмякается на что-то мягкое.

Вчетвером долго смеются.

МОРТКО. Ну, ладно. Пошутили и хватит. Веди теперь, Юхим, нашего ворюгу в холодную. Позже разберемся, что с ним делать.

САМСОН. Отпусти меня, председатель! Я домой лучше пойду. Ноги моей тут больше не будет, богом клянусь.

МОРТКО. Я таких слов не знаю и в такие клятвы не верю. Посиди в холодной, подумай о жизни, а не о животе. Веди его, Юхим.

Юхим послушно ведет перед собой послушного Самсона. Мортко с презрением смотрит им вслед.

МОРТКО. Смотри, идет, как баран. А мог бы в лес убежать. Я бы бежал.

АРСЕЙ. Как же так, Мортко... Он мог попасть в него.

Отходит в смятении от Мортко назад.

МОРТКО. Наука не ходит без дрюка. Я знал, что он промажет. Он же криворукий, он в меня больше целил. Но я ж не трясся, как ты сейчас трясешься. Ну, чего ты, смотришь на меня волком? Легко быть в стороне, легко добрым казаться. Как ты не понимаешь, Арсей, я выполняю работу, за которую никто другой не возьмется, но без этого нельзя следующий шаг сделать. Меня может потом никто добрым словом не вспомнит. Потом – когда настанет общее счастье. Будут всех вспоминать – тебя, и даже Гаврилу. А меня не вспомнят. Или даже проклянут. И никто не оценит той жертвы, которую я принес ради будущего этого дурного своего народа...

АРСЕЙ. Умом я все понимаю, Мортко. Но когда... когда в родном селе... Трудно, понимаешь? Я бы хотел уехать в другое место, где я никого не знаю, меня никто не знает...

МОРТКО. Легкой жизни хочешь. Совести чистой хочешь. Это заработать нужно. А пока... Смотри и учись.

Мортко подымает доски, оторванные от проема, с помощью лома забивает проем этими досками. Арсей смотрит. Учится.

Затемнение. Слышны лишь глухие удары сверху. Шорох. Стон.

ГОЛОС ГАВРИЛЫ. Черт, где я?

Кричит в панике. Слышно, как гоняет мышей.

Еб твою мать! Твари! Пошли отсюда! Пошли!... Еб твою мать! Мамо! Где я?

Понемногу глаза привыкают к темноте. Из верхних, плохо забитых оконных щелей слабо пробивается свет.

Гаврило сидит на большой куче зерна. Зерно везде. Его очень много.

С потолка на Гаврилу с жалостью смотрят ангелы.

Гаврило в пьяном угаре, с ужасом смотрит по сторонам. Руками нащупывает вокруг себя. Пытается восстановить в памяти происшедшее.

ГАВРИЛО (дрожащим голосом). Как же все было? Сначала к нам подошел этот засранец Горобец. Очень просил одолжить жменю (горсть) пшеницы. Юхим послал его на хуй. Тогда подошел Самсон и поставил бутылку сивухи. Договорились на завтра. Что завтра придут за пшеницей. Выпили. Они ушли, а мы выпили. Разговор завязался. Про баб поговорили. Юхим жаловался на свою жену. Она у него с куркулем гуляла. Теперь того куркуля на свете нету. А она умом помешалась от голода. Тогда он пошел в активисты и стал 25 процентов домой приносить. А жена отожралась и давай со всеми подряд ночевать. Блядина такая. Он, значит, ее с того света вытащил, а она ему вот так спасибо сказала. Побил он ее сильно. Теперь тихая стала. Выпили еще. Закусили салом. Вспомнили, как Мортко куркулей расстреливал. Старицкого Феодосия, Онисько, Мельник Килину... Красивая баба была. Я к ней сватался. А она, дура, не пошла в колхоз. У нее отец середняк – двух коров имел, лошадь и землю. Так они коров пожалели. Из-за коров и пропали. Дальше выпили еще. Мортко пообещал, что если мы год отработаем – пошлет на повышение в город. Мы давай мечтать, как красиво жить будем, среди других людей. В нашем селе такие поганые люди! Тьфу! Потом выпили еще и придумали за кривой Теклей сходить. Юхим всегда, когда напьется – любви хочет. Что ж потом было? Потом я все забыл. Все могло быть. Гроза могла быть и молнией меня ударить. Мог кто-то за зерном придти и меня придушить. Одно точно: видно меня во сне убило. А это я в раю. Точнее, в аду. Потому что в раю было бы светло. А тут – темно. И теперь, видно, придется мне за все отвечать.

То ли мьши, то ли движения Гаврилы спровоцировали это: но вдруг в этот момент лавина зерна стала сыпаться вдоль одной из стен. И медленно раскрыла расписанный иконостас. На Гаврилу со стены полился свет и в этом свете Гавриле открылся лик Девы Марии с младенцем. Прямо напротив него почти вровень. Гаврило замер в религиозно-пьяном экстазе.

Кто это?

Господи... Матерь Божья... Это вы ко мне спустились?

Гаврило падает без сознания.

2 действие

16 апреля 1933

Кладбище на горе. Много свежих могил. На некоторых стоят кресты. Но в основном могилы пусты. Только холмики со свежей землей обозначают захоронение. На кладбище – красиво. Цветут вишни. Поют птицы.

Мокрина и Арсей сидят у одной могилы и целуются. На могиле – нет креста. Просто свежий бугорок. Таких здесь много. Все больше больших общих могил. Одна совсем свежая яма, которая еще не полная, поэтому и не засыпанная.

К общей незасыпанной могиле подъезжает труповоз Артюх. Скидывает с телеги несколько трупов в яму.

Мокрина отрывается от поцелуя, устало и счастливо вздыхает.

МОКРИНА. Что ты принес?

Арсей развязывает рядно, расстилает его. В нем – хлеб, сало, луковица. Арсей мелко нарезает. Мокрина хочет взять, но он мягко отстраняет ее и кормит из своих рук.

АРСЕЙ. Я сам. А то ты опять наешься и плохо будет.

МОКРИНА. Спасибо тебе, спасибо... Если бы не ты... Как я люблю тебя, Арсей...

АРСЕЙ. Вишенька моя ненаглядная.

Целует ее в жующий рот.

Мокрина смеется. Ласково к нему прижимается.

Труповоз Артюх с большим трудом скидывает последний труп. Не удерживает равновесия и падает вместе с ним в яму. Слышны его слабые крики.

АРСЕЙ. Я ж говорил – вместе будем. Мы будем жить как все. Хорошо.

Мокрина ест. По мере ее насыщения, лицо ее приобретает все более осмысленное, злое выражение. Арсей не видит ее лица. Он мечтательно смотрит с горы на село.

АРСЕЙ (*мечтательно*). Вот голод закончится, в город поедем. Мортко обещал, что активистов бесплатно учить будут. Жилье давать бесплатно. Пайки. Заживем с тобой. Мать заберем. И твою, и мою. Все будет по-новому, понимаешь? Люди все будут одинаково получать. И некому будет завидовать. Ты не подумай, я откладываю. Откладываю денег на нашу будущую счастливую жизнь...

Мокрина, словно поперхнувшись, перестает жевать. Смотрит перед собой с ужасом. Бросается на могилку и рыдает.

МОКРИНА. Батечко! Простите меня! Сажу тут с убийцею! Хлеб с салом ем! Как же вы намучились, батечко! Когда же вы заберете меня к себе!

АРСЕЙ (*с обидой*). Мокрина, вот пока не наешься – ласковая и добрая, хоть к ране прикладывай. А как поешь – делаешься как ведьма. Мне что, не кормить тебя, что ли? Не убивал я твоего батечку. Да что бы с тобой было, если бы не я!

Мокрина швыряет остатки еды в него.

МОКРИНА. Подавись! Ничего мне не надо! Сука!

АРСЕЙ (*устало*). Старая песня. Собери – матери отнеси. А то сама нажралась и буянишь. Ну что мне с тобой делать? А ведь у меня еще петушок есть.

МОКРИНА. Не надо ничего мне! Не надо!

Арсей достает из кармана пиджака петушка на палочке. Дрязнит Мокрину. Мокрина тянется к нему.

АРСЕЙ. Поцелуешь – дам.

Мокрина быстро целует Арсея. Отбирает леденец.

Арсей помогает Мокрине собрать рассыпанную еду в тряпку.

АРСЕЙ. Иди домой. Лесом не ходи. Убьют еще. Послезавтра приходи опять. Я принесу.

МОКРИНА. Ой! Там кто-то ходит...

АРСЕЙ. Иди, Мокрина, а то вон мои хлопцы едут. Видно, Мортко вызывает. Не нужно, чтоб меня с тобой видели...

МОКРИНА. Будь проклят твой Мортко и твои хлопцы.

Мокрина встает, пошатываясь, уходит. Юхим и Избач появляются на конях.

ИЗБАЧ. Вот ты где! Шуры-муры? Мортко просил за тобой послать.

АРСЕЙ. Что там уже горит?

ИЗБАЧ (*взволнованно*). Горит, горит. Нам из района сообщили, а им из области передали. А тем – из Москвы... Такое дело... Едет к нам американский журналист.

АРСЕЙ. Куда? В село к нам? Из Америки? Подурели они там, что ли?

ИЗБАЧ. Ну, это не наше дело. Журналист этот пишет для всего американского народа о советских достижениях. Он у самого

Сталина интервью брал. Он сюда едет, чтобы своими глазами увидеть... что (*удивленно*) никакого голода нет.

АРСЕЙ. Вы что, уже выпили с утра? Что ты говоришь вообще? А это что за люди в ямах лежат? Пьяные, что ли?

ЮХИМ. Так... Такая установка сверху. Нам же нельзя опозориться...

АРСЕЙ. Так может, он в другое место поедет?

ЮХИМ. Так везде то же самое.

АРСЕЙ. Я даже не знаю, как это называется. Сказка какая-то.

ИЗБАЧ. Короче, Арсей, нас с тобой ответственными Мортко назначил. Сказал – если справимся, нас сразу в город пошлют. Из этого пекла. Через неделю приезжает.

Арсей в сердцах плюет перед собой.

АРСЕЙ. А он не может через год приехать? Тут как раз один рай останется.

ИЗБАЧ. Чтоб никаких трупов. Никаких голодающих. Советская деревня с клубом, танцами и столовой. С передовой молодежью. Нам пришлют из центра все, что потребуется. И одежду и еду. Нам надо агитбригаду найти. Ты не слышал, где они сейчас?

АРСЕЙ. Слышал, как раз в Байраке застряли. Их коней украли и съели. Вот они и застряли.

Труповоз Артюх выбирается из ямы, видимо сложив для удобства трупы друг на друга. Садится на телегу. Чахлая изможденная коняка медленно везет его с кладбища.

ИЗБАЧ. Вот и хорошо. Нужно послать за ними. Юхим, поедешь ты. И коней им найдешь.

ЮХИМ. Где я их возьму?

ИЗБАЧ. Раскулачишь кого-то. Вон, Артюхового коня возьмешь. Он только на вид при смерти.

ЮХИМ. Ты что?! А как Артюх работать будет?

ИЗБАЧ. Ладно, пошутил. Мортко машину даст. Мы тут такой театр устроим – американец уезжать не захочет.

АРСЕЙ. Типун тебе на язык.

ЮХИМ. А что мы людям скажем?

ИЗБАЧ. Мортко придумает. Сказал, что не наша забота.

АРСЕЙ. Я одного не пойму. Почему они решили его к нам привезти? За что на нашу голову такое проклятье?

ИЗБАЧ (*искренне удивляясь*). Как почему? Да ты вокруг посмотри! Разве есть село лучше нашего? Ты только посмотри на наш Псел. Какая река! Вьется, как змейка через луга. А берега какие живописные вдоль нее! Жаль, что я не художник, я б намалевал... А сомы какие в реке водятся! Во, чтоб не сбредить! А на луг, бывает, выйдешь на рассвете и застынешь от красоты на месте: мягкий туман стелется по земле, а в нем спят белые гуси, как в одеяле. А лес у нас, как Кремлевская стена, ничего с таким лесом не страшно! Да что говорить! Я когда с этой горы на село смотрю, все забываю от радости. Если и есть на свете село лучше, то точно не на Украине. В Америке – точно нет. И люди у нас хорошие! И земля плодородная... Воткнешь палку и она зацветет.

Втыкает палку вместо креста в могилу Феодосия. Арсей и Юхим тупо смотрят на палку и словно ждут, что она сейчас начнет цвести.

Вот увидите, через три весны на ней воробьи гнезда будут вить.

Вдоль могилки ходит Гаврило. Обросший. Станный. Чумазный. В глазах – просветление. Бормочет что-то. С кем-то разговаривает.

ИЗБАЧ (весело). О, вот Юхим, твой дружок идет. Эй, Гаврило, как в зернохранилище? Кто ж тебя выпустил?

ГАВРИЛО. Она меня впустила, она и выпустила.

АРСЕЙ. Постой, Тарас, с ним что-то не то...

ИЗБАЧ. Свихнулся что ли? Ты что там бормочешь?

ГАВРИЛО. Молюсь, добрый человек.

ИЗБАЧ. Гаврило молиться! Умереть со смеху можно. Что ж ты вымаливаешь для себя? Водки стакан?

ГАВРИЛО. Та... Я не для себя...

ИЗБАЧ. Даже интересно. Помолись вслух, родимый.

ГАВРИЛА. Хорошо.

Гаврило поворачивается и говорит кому-то прямо перед собой. Как будто видит невидимого собеседника. Говорит просто, по-дружески.

Господи, прости меня и помилуй. Прости, что я, блядь такая, с куркулем спуталась. Муж мой пьяница и грубиян, только пьет и не работает. А куркуль Онисько Старицкий – гарний хлопец, работающий, руки у него золотые, как обнимет меня, сердце останавливается. Я б за ним на край света пошла, если бы его не убили... Грешная я баба, глупая, прости и помилуй меня, Господи. Я ж не знала, что это грех такой – плохому мужу изменять. Теперь мой муж при деле, куркулей ненавидит, ему за это хорошо платят... Как в последний раз побил меня – я из дома выходить перестала. Кому я теперь такая нужна с кривым носом?

ИЗБАЧ. Как есть свихнулся. Как баба молиться.

ЮХИМ (бледнея, испуганно). Это он за мою жену молиться. За нее говорит. Я прямо так и слышу ее голос.

ИЗБАЧ. Как-то этого товарища надо будет спрятать на время визита американца.

АРСЕЙ. Может, обратно, в зернохранилище?

Арсей и Избач смеются. Юхим – нет.

23 апреля 1933 год

Площадь перед сельсоветом и избой-читальней. Радио на площади играет веселую музыку. Изба-читальня наряжена в новую вывеску «Столовая». Сельсовет, изба-читальня и церковь-зернохранилище украшены красными флагами. Фасады домов – свежевыкрашенные. Площадь стала нарядной и советской.

К площади со всех сторон стягиваются люди. Или то, что от них осталось. Кого-то ведут под руки. Кто-то сам идет, кого-то подгоняют активисты.

На площади – трибуна. За трибуной стоит Мортко, Избач, возле трибуны Юхим. Сзади – крепкие хлопцы-активисты. Рядом – фургон агитаторов.

Мортко критически оглядывает толпу.

МОРТКО(Избачу). Я ж сказал, чтоб нарядные пришли. Вот люди!
ИЗБАЧ. Я им говорил, а они смеются.

Люди становятся перед трибуной, но их лица и помыслы обращены в другую сторону. В сторону избы-читальни, на которой красуется новая вывеска «столовая». Оттуда доносятся запахи и звуки кухни.

МОРТКО. Собрал я вас, товарищи, по одному серьезному вопросу. Для нашего села выпала очень большая честь от нашего правительства. Наш Зеленый кут выбрали из тысяч других сел, чтобы снимать в нем кино про будущую счастливую жизнь советских крестьян. Что это значит? Что у нас есть возможность показать себя с самой лучшей стороны и от нас кое-что требуется. Во-первых, я вас попросил одеться нарядно, как на праздник. Женщины! Где ваши нарядные платки и белые сорочки? Где ваше намисто? Неужели так глубоко закопали?

ГОЛОСА. Нету ничего. Ничего не осталось. Смеешься над нами? Все на еду выменяли.

МОРТКО. Ладно, одежду мы вам дадим. Временно. Тем, кто отличится лучшим образом, что-нибудь оставим на память.

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. А что делать надо?

МОРТКО. Да ничего трудного. Ходить, петь, танцевать... Как наши артисты. Вы же видели выступление наших артистов?

ГОРОБЕЦ. А кормить нас будут?

МОРТКО. Будут кормить. Будут чаем поить. Вином. Видите, там уже столы накрывают. Мясо, селедка, картошка, пироги.

Стон толпы.

Но кто чувствует слабость, кто не уверен в себе, в своих силах, может пойти домой. Это все добровольное мероприятие. Так сказать, по желанию. Новая власть никого не принуждает. Прямо сейчас можете отказаться и уйти.

Никто не двигается с места.

Товарищи артисты-агитаторы помогут вас привести в нужный вид, сделают вам грим, раздадут роли и задания. Позже приедет съемочная группа. А пока вам нужно будет подготовиться. Провести несколько репетиций.

ОЛЯНА. Что ж это делается... Чудно так говорит... Может и я уже сдурела, как несчастный Гаврило.

ЛЮДОЕД. А еда на репетициях настоящая будет?

ГОРОБЕЦ. Человеченки не будет, так шо иди домой.

ЛЮДОЕД (визгливо). Докажи! Докажи сначала!

Люди и до этого стояли от людоеда на некотором расстоянии, а теперь брезгливо отходят еще дальше.

МОРТКО. Нет, еды на репетиции не будет. Есть вы будете только во время съемки. В наше трудное время мы не можем себе позволить пировать.

Да, еще... Не все из вас подойдут для этого кино. Некоторые и вовсе не подойдут. Но вы не расстраивайтесь. Не у всех же людей есть к этому талант.

ГОРОВОЕЦ. У нас у всех талант, чтоб вы знали, товарищ Книжник. Мы очень талантливая нация.

ОЛЯНА. Как же я танцевать буду? Меня ведь сюда на руках принесли.

Из фургона выходит Маша. Беременная.

МАША. Товарищи, заходим по очереди в палатку. Временно получаем вещи, слышите? Временно! Это реквизит, который нужно будет сдать сразу после съемки фильма.

Выбирает из толпы самых молодых и стоящих на ногах. В том числе и Мокрину.

Вот ты, девушка, подходи. И ты. Потом вы. Становимся в очередь. Заходим, когда позову.

Палатка. Импровизированная гримерная. В одном углу куча ношеной, но чистой одежды. По центру на лавках сидят три девушки. Среди них Мокрина.

Сильно беременная Маша углем рисует им брови и подводит глаза, морковкой и свеклой натирает щеки. Плоскогрудым засовывает тряпье вместо груди.

Юра весело и бесстыдно наблюдает за происходящим, помогает Маше подбирать одежду для девушек.

ЮРА. А у Мокрины и так полная пазуха сисек. На тебе, вот самая красивая сорочка и платок.

Достает из кучи и выбирает лучшую одежду для Мокрины. Другие девушки недовольно надувают губы.

МАША. Чтоб ни одного пятна, ни одной дырки не оставили. Это надо вернуть. Это из районного клуба одежда для артистов. Понятно?

1-ая ДЕВУШКА. Дай я сама...

Берет у Маши морковку и усердно трет щеки.

2-ая ДЕВУШКА (тихо). Дайте мне те сапоги.

ЮРА. Так они ж мужские.

2-АЯ ДЕВУШКА. Ничего, дайте.

Юра бросает ей сапоги. 2-ая Девушка внимательно на них смотрит.

2-АЯ ДЕВУШКА (Мокрине). Это ж моего деда сапоги. Коммунисты его когда забрали, он как раз в них и был. Смотри – тут и написано: Г. Прутко.

МОКРИНА. Молчи лучше. А то голодная останешься.

2-АЯ ДЕВУШКА (громко). Это ж деда моего сапоги! Прутко Григория. Тут и написано!

ИВАН ИВАНЫЧ. А кто это у нас так шумит? А? Кто нам мероприятие срывает? Все, милая, иди, ты у нас в кино не снимаешься.

2-АЯ ДЕВУШКА. Как это? Я только сказала, что это дедовы сапоги! Его в них убили, а сапоги сняли! Что я такого сказала?

Иван Иваныч и Василий берут нарумяненную девушку под руки, отбирают сапоги и выводят ее из палатки. Девушка по мере сил пытается сопротивляться.

Отдайте хоть сапоги! Отдайте! Что я такого сказала?!

На фоне скандала отчетливо раздается хруст. Маша поворачивается и видит, что 1-ая девушка быстро доедает «косметику»: морковку и свеклу.

МАША. Ах ты ж дура! Дура бестолковая! А могла мяса поесть! Где мне опять искать краску? Иди отсюда. И без краски не возвращайся.

Выводят и вторую девушку тоже. Из «артисток» остается одна Мокрина.

ВАСИЛИЙ. Вот хорошая девушка. Сознательная. Тихая.

ЮРКА. И красивая.

ИВАН ИВАНЫЧ. А я тебя помню. Помнишь, мы приезжали. Ты еще пела красиво. И сегодня споешь. Только что-то веселое. Договорились?

МОКРИНА. Я если не поем – петь не смогу.

ИВАН ИВАНЫЧ. А мы тебя накормим. Как там у тебя с Богом дела?

МОКРИНА. Да никак.

ИВАН ИВАНЫЧ. Так есть Бог или нет? Что ты теперь думаешь?

МОКРИНА. Да нет никакого Бога. Вы были правы, дядечка. Если бы он был – разве снимали бы вы это кино?

ИВАН ИВАНЫЧ. Вот видишь. А я тебе еще тогда говорил.

В палатку входит старуха. Еле держится на ногах.

МАША. Вы что пришли, бабушка?

СТАРУХА. Как чего? Артистка я.

МАША. Вот еще комедия. Что вы себе думаете? Идите домой, бабушка. Вас там внуки ждут.

СТАРУХА. Что ты там шепчешь?

ИВАН ИВАНЫЧ (громко). Вы нам не подходите, извините. Так что до свидания.

СТАРУХА. Как это не подхожу? Почему не подхожу? Я петь могу, танцевать могу.

ИВАН ИВАНЫЧ. Да ты, старая, еле на ногах стоишь! Людей не смеди! Нам молодежь нужна и песни веселые.

СТАРУХА. Я молодая еще. И песни пою такие веселые, что ты обосцишься от смеха.

Старуха становится посредине и вдруг запекает тонким голосом:

Ой, у полі дві тополі
А під нею хлопці
Сперечались, розмовляли,
напивались, гоп ця

На одній сидить зозулся
Та сере на хлопців
Зажбурили каменюку
Всіх попало, гоп ця

Іде Лида на коняці
А за нею хлопці
Ланцюгом их вшанувала по мордякам
Гоп ця!

До Тамары незабаром
Залицялись хлопці
Відірвала ім Тамара
Аж по самі... гоп ця!

Все остолбевают от ее пения. Вдобавок ко всему старуха начинает приплясывать.

На последней высокой ноте старуха падает замертво.

ИВАН ИВАНЫЧ (Василию). Вот елки-палки. Отнеси труп отсюда. Не дадут работать ни хрена.

Василий уволакивает труп старухи.

МОКРИНА (тихо, Юрке). Можно я подружке сапоги отдам?

Юра заворачивает сапоги в тряпку и незаметно отдает ей.

Площадь перед сельсоветом. Красными флажками украшена площадь, изба-читальня, сельсовет и купол церкви-зернохранилища. К вывеске «столовая» добавились еще вывески «Клуб» и «сельпо». Под вывеской «столовая» сооружена летняя площадка. Длинные столы застелены светлыми скатертями. Длинные лавки вдоль столов. На столах стоит посуда. Из дымохода «столовой» во всю летит дым. Топят печь, готовят праздничный стол. Маша, Юра и Василий носят блюда с дымящейся едой и расставляют на столе.

На трибуне стоит Мортко.

Перед ним в ряд стоят нарядные люди. Яркие румянцы на впалых щеках. Мужчины побритые и причесанные. Рассеянно смотрят на Мортко, который скептически их разглядывает.

ИЗБАЧ (Неуверенно). Может дать по ложке каши?

МОРТКО. Не, знаю я эту ложку. Поедят – уснут прямо на площади. Как прошла репетиция?

ИВАН ИВАНЫЧ (вздыхает). Отупел народ. Раньше больше сообразительных людей было.

МОРТКО. Это ты отупел. Выходит, куркули были умные, а бедняки – дураки?

ИВАН ИВАНЫЧ. Провалиться мне на этом месте, если я так думаю. Вот та дивчина очень даже сообразительная. Запевать будет, остальные подхватят. С танцами хуже обстоят дела. Не все в состоянии передвигаться.

ИЗБАЧ. Еще волнуемся по поводу еды. Накинуться ведь, за уши не оттащишь. Американец подумает, что они голодают. Сорвут ведь мероприятие. Может, все же покормить сначала?

МОРТКО. Я что, зверь? Если б было чем – покормил бы. Но у нас хватит только на один подход. Так что терпят пусть. Живут надеждой. Черт, ну и калек же вы набрали... Неужели нет ни одного упитанного человека? Просто обидно, что этот американец подумает про нас. Будет потом писать, какая слабая нация эти украинцы..

ИЗБАЧ. А давай Самсона из холодной выпустим. Он как-никак видный мужчина.

МОРТКО. Соображаешь. Юхим, приведи Самсона. Скажи, если справиться с ролью советского богатыря, так и быть, прощу его.

Юхим радостно бежит в холодную.

МОРТКО (обращается к народу). Дорогие мои товарищи. Ну и рожи у вас. Улыбнитесь, что ли. Нам нужны ваши улыбки.

Все улыбаются одними ртами.

А сейчас мы посмотрим, чему вас научил Иван Иваныч.

ИВАН ИВАНЫЧ (в рупор). Так. Разошлись по своим местам.

Собираемся с силами и делаем последний прогон.

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Нет последних сил. Хватит издеваться! Дайте жареного мяса!

ИВАН ИВАНЫЧ. А нарушителей и крикунов будем отстранять от участия. Все по своим местам.

Люди расходятся по своим местам. Кто-то берет коромысло. Оляна, с почтовой сумкой, выходит из сельсовета. Мужчины с лопатами возвращаются с колхозных работ.

Грудастые доярки с ведрами возвращаются с фермы. Среди доярок – Мокрина.

Карикатурная имитация жизни, которая будет через несколько десятков лет в этом селе.

ИВАН ИВАНОВИЧ. Мокрина, запевай.

МОКРИНА.

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,

Преодолеть пространство и простор.

Нам разум дал стальные руки-крылья,

А вместо сердца пламенный мотор.

Все выше, выше и выше...

Стремим мы полет наших птиц

И в каждом пропеллере дышит

Спокойствие наших границ.

Народ подхватывает

Горобец играет на гармошке.

На первый план выходит несколько калек и вяло подтанцовывает.

ИВАН ИВАНОВИЧ (в рупор). Теперь свободным, ровным шагом направляемся к столу.

Люди в хаотическом беспорядке бегут к столу

Не бежать. Я сказал, не бежать! Стоп. Сначала. Так, до тех пор пока вы не научитесь выполнять мои команды – за стол никто не сядет!

Все возвращаются на свои места и все начинается сначала.

МАША. Мокрина, сначала!

МОКРИНА (поет).

Люди подхватывают припев. Подтанцовка из последних сил подтанцовывает.

ИВАН ИВАНОВИЧ(в рупор). Теперь к столу. Медленно.

Народ неестественно медленно тянется к вождленному столу, на котором дымится картошка, жареное мясо и много другой забытой роскоши.

МОРТКО. Нет, стоп. Мне не нравятся ваши танцористы. Ну что это за танец умирающих куркулей? Где задор? Где отдача? Вы мне всю Америку распугаете, позорники...

ИЗБАЧ. Подгорный, Сорока, вы что, из-за угла мешком прибитые? Вы же лучшие танцоры на весь район! Вы ж и в клубах выступали и перед товарищами из района!

ПОДГОРНЫЙ. Так мы тогда ели два раза в день.

МОРТКО. Вы о чем-то другом вообще думать можете?

ВСЕ. Нет.

Мокрина снова запекает.

Люди поют припев.

Подтанцовка подтанцовывает.

По команде Ивана Ивановича все медленно идут к столу.

Несколько человек остается лежать на площади.

МОРТКО. А я предупреждал! Не все подойдут для этих ролей! Так нет же, надо лезть впереди батька в пекло (в ад). Кто не чувствует в себе силы – могут покинуть наши ряды. (помощникам) Очистите площадь от посторонних товарищей!

Помощники уносят трупы.

ИЗБАЧ. Слушай, Мортко, еще пару раз так станцуют – и мы без танцоров останемся.

МОРТКО. Ты тогда будешь танцевать.

ИЗБАЧ. Я?! Не позорь меня, Мортко. Я сельская интеллигенция.

ИВАН ИВАНЫЧ (в рупор). Продолжаем двигаться по направлению к столу. Разговариваем между собой. Мужик в красных шароварах, обними вон ту бабу.

МУЖИК. Это не моя.

ИВАН ИВАНЫЧ. Я же жениться не заставляю. Обними, я сказал.

Мужик обнимает женщину.

ОЛЯНА. Хай и меня кто обнимет, а то я сейчас упаду.

Самых слабых женщин обнимают и придерживают мужчины и наоборот. Создается впечатление общей влюбленности.

МОРТКО (удовлетворенно). Вот так – хорошо!

ИВАН ИВАНЫЧ. Теперь можете что-то украинское затянуть. Народное. Эти иностранцы любят старину всякую.

ОЛЯНА.

Іхали козаки, из Дону додому,

Підманули Галю, забрали з собою.

Ой, ты Галю, Галю молодая, підманули Галю, забрали з собою

Поїдемо з нами, з нами, козаками

Луче тобі буде, як в рідної мами

Ой, ти Галю, Галю молодая, луче тобі буде, я в рідної мами...

Поперхнулась, замолчала. Начала снова. Очень старается, но плохо получается.

Морко морщится. Иван Иванович виновато пожимает плечами.

В этот момент Юхим приводит на площадь Самсона. Самсон сильно отошел. Но все равно на фоне остальных он выглядит большим и сильным. На его лице радостное удивление. Горобец радостно бросается к нему навстречу.

ГОРОБЕЦ. Самсон, братик! Ты ж в два раза меньше стал.
САМСОН. А что, Горобец, теперь бы я пролез в то окошко?

Смеются.

МАША (с любовью). А вот и мой Самсон явился. Я думала, его уже черви съели. Эй, Самсон, у меня к тебе новость.

Похлопывает себя по животу

Помнишь, мы с тобой осенью в клуне ночевали?

САМСОН. Отстань, чертова баба, с кем ты только не ночевала!

МАША. Дурень. Это от тебя надуло.

САМСОН. Я со своей бабой пятнадцать лет прожил, и ей ничего не надуло, а с тобой только раз было.

МАША. Ой, та мне все равно, что ты там варнякаешь! Советской женщине не нужен муж. А товарищей у меня много.

Махнув на него рукой, уходит в фургон. Самсон оглядывает площадь, накрытые столы под навесом, нарядных, обнимающихся людей.

Люди, это что же, объясните мне? Горобец... Скажи мне, это пока я в холодной сидел, голод кончился?

ОЛЯНА (смеется). А как же! В один момент вот так взял и кончился.

Все смеются над Самсоновой наивностью.

САМСОН. И вот эти столы для нас накрыты?

МОРТКО. Для вас, для вас...

САМСОН. Так я забыл, когда ел.

МОРТКО. Так сейчас вспомнишь. Только сначала поучаствуй в общем празднике. Запевай, Самсон. Новая жизнь настала.

САМСОН. Та я по такому поводу не только спою, но и станцую...

Самсон на радостях запекает сильным голосом. Народ, кто может, подхватывает.

САМСОН.

Везли, везли Галю темными лісами

Прив'язали Галю

До сосни косами

Ой, ты Галю, Галю молодая, привязали Галю до сосны косами...

Розбрелись по лісу, назбирали хмизу,
Підпалили сосну од гори до низу.
Ой, ти Галю, Галю молодая,
Підпалили сосну од гори до низу...

Мортко - в счастье.

МОРТКО (*Иван Иванычу, с укором*). Во! Видел как надо! Даже спектакль без Мортко поставить не можете. (*забирает у Иван Иваныча рупор*). Двигаемся! Двигаемся! Хорошо! Вот вы возле сельсовета справа заходите, а вы, возле бывшей церкви, слева навстречу, какой красивый рисунок получается.

Народ как-то прибодрился и пошел. Сцена «заработала».

ГОРОВЕЦ (*Самсону*). Спасибо, братик, выручил, так дело быстрее пойдет. А то не поверишь, с утра так гоняют и хлеба не дают. Прямо лечь хочется Артюху в труповозку.

В этот момент на площадь подъезжает машина. В машине Арсей и водитель.

МОРТКО (*взволнованно*). Почему они одни? Где американец? Где председатель горкома? Где остальные товарищи?

ИЗБАЧ. Может, они сзади едут?

ИВАН ИВАНЫЧ (*в рупор*). Не останавливаемся, товарищи. Скоро приедет съмочная группа. Репетируем сцену ухаживания.

Действие продолжается. Мизансцена, в которой юноша ухаживает за Мокриной (по роли). Они танцуют вместе.

Взволнованный Арсей вылезает из машины. Бежит к Мортко.

МОРТКО. Ну что? Где все? Да ты к поезду не опоздал случайно?

АРСЕЙ (*отдышавшись*). Да я за час там был... Дождался я, Мортко, поезда, а из него одни бабы повыходили... Пошел в райсовет. Стали они звонить в Полтаву. Выяснилось, что приезд отменяется, не успели сообщить. Сказали свернуть все и не ждать. Короче, не приедет никто.

МОРТКО. Как не ждать?! Что они себе?.. Вот черт. Черт знает что такое! И что теперь с этим театром делать? Иван Иваныч!

ИВАН ИВАНЫЧ. А что? Распускаем людей... Только что со столами делать? С едой?

АРСЕЙ. Просили передать, вечером приедет товарищ Петренко из райкома с товарищами. Так чтоб встретили, как полагается...

МОРТКО (*после недолгих раздумий*). Значит все-таки не совсем зря старались. Значит так. (*Иван Иванычу*) Тихо дай команду на кухне. Пусть несут все обратно. Потом все запирайте и поставьте под охрану. Арсей, Юхим, становитесь на дверях и никого не впускайте. А я пока речь скажу.

Иван Иваныч уходит в столовую. Арсей и Юхим, переглянувшись, молча, без особого энтузиазма, идут за Иван Иванычем.

МОРТКО. Дорогие товарищи!

Народ так увлекся творчеством или просто смертельно устал, что не сразу соображает, что к нему обращаются и что нужно остановиться.

Молодцы! Что тут еще можно добавить? Справились с задачей на все сто процентов. Я когда отчет буду писать в район, так и напишу: жители села Зеленый угол проявили творческий подход и энтузиазм, свойственный советскому человеку.

С чистой совестью и чувством выполненного долга можете идти отдыхать, дорогие товарищи.

САМСОН (радостно). Такой день!.. Такой день!.. да здравствует советская власть, ура!

Кроме Самсона никто не выражает радости.

ГОРОВЕЦ. Да подожди ты уркатать. (Мортко) Куда отдыхать? А кино когда будет?.

МОРТКО. Кино сегодня не будет. Кино будет завтра. Вот так. Так что сегодня вам повезло. Сегодня вы раньше освободились. А завтра...

ОЛЯНА (вопит). Люди добрые! Эти анциболоты со столов сгребают и в читальню прячут!

Люди поворачивают головы в сторону столов. Возмущенный ропот раздается из толпы.

МОРТКО. Что вам не понятно? Расходитесь по-хорошему. До завтра ничего не пропадет. Мы завтра такой пир закатим! Но только вещи сдайте Маше. А то засрете. Завтра получите обратно. И давайте ускорим процесс, товарищи. Не сердите меня.

Несколько женщин покорно выходят из толпы. Заходят в фургон. Маша подходит к одной из девушек. Та снимает платок с головы, отдает. Подходит ко второй. Ждет, когда та снимет сапоги, забирает. Еще к нескольким. Подходит к Мокрине.

МАША. А ты что стоишь? Снимай платок.

МОКРИНА. Дулю тебе с маком.

Маша оторопела от такой наглости.

МАША. Ты чего, девка? Мы ж тебя в фургоне нашим хлебом кормили, а ты теперь на нас гавкаешь?

МОКРИНА. А я когда сытая, я и укусить могу.

Маша хочет сорвать с нахалки платок, но Мокрина с неожиданной силой толкает беременную Машу, та с громким вскриком падает прямо в пыль.

МАША. Ах, ты ж блядь такая ебучая! Ах, ты ж блядь...

Тишина накрывает площадь невидимым колпаком.

МОРТКО (очумело). Это что ж за сучка такая?

ИЗБАЧ. Мокрина Старицкая. Арсей с ней путается.

МОРТКО. Вот как? Арсей, А-ну, пойди успокой свою дуру, если она тебе еще нужна живая.

Арсей обреченно и нерешительно идет к Мокрине.

МОКРИНА. Ой, а кто это ко мне идет? Никак, мой ненаглядный. Ну, иди ко мне, голубь...

Игриво убегает от него, и все ближе к столу.

АРСЕЙ. Не дури, Мокрина. Отдай платок и иди домой. Я тебе сто таких платков куплю.

МОКРИНА. А мне этот понравился. Не отдам!

АРСЕЙ. Милая, что ж ты творишь?

Мокрина хватает со стола кусок мяса, дразнит людей.

МОКРИНА. Люди добрые, вот это шашлык, вот это я понимаю. Шо ж вы стоите, как засватанные? Или вы не заслужили по куску мяса?

САМСОН. Я две недели на воде... Так что это такое? Так выходит и за стол не посадят? Погуляли...

ГОРОВЕЦ. Как собаки на веревке.

ОЛЯНА. Надеялся дед на обед, да и воды не попил.

МОКРИНА. Угощайтесь, на всех хватит!

ОЛЯНА. Все равно скоро умру, так хоть наемся.

ГОРОВЕЦ. И мне все равно.

ВСЕ НЕСКЛАДНО. И мне... И мне...

Народ, потеряв контроль и рассудок, ломится к столу. Невзирая на окрики Мортко, Избача и других.

Маша, Юрко и Иван Иваныч, Юхим и Арсей пытаются оттеснить людей от столов. Происходит небольшая вялая потасовка. Люди, как угри, просачиваются сквозь оттесняющих их.

хватают со стола руками все подряд, запихивают себе в рот. Кто-то залез на стол. А кто-то отхватил кусок пожирнее и спрятался под столом, как собака.

Юхим налил себе стакан водки и выпил залпом.

Мортко вынимает пистолет из кобуры. Поднимает вверх. За ним становятся его вооруженные помощники. Все движение замирает.

Выходит Гаврило.

ГАВРИЛО.

Что касается той истории, когда я расстрелял одуревших крестьян – так на это, Господи, у меня были все полномочия. Харчи были казенные. Предназначались для ответственного мероприятия. С меня

бы три шкуры сняли, если бы я товарища Петренко с товарищами не встретил, как следует. Откуда взялся тот американец, что не приехал? Думаете, оно мне надо, все это кровавое месиво в столовой? Даром не надо. А ведь никто пачкаться не хотел. Ни Арсей, ни артисты, на даже этот дурень Юхим. Все Мортко. Без Мортко - никуда.

Я помню, когда был маленьким, моя мама водила меня на Волгу... Мы на берегу Волги жили. И шли мы через лес одного помещика, срезали, чтобы кряк не делать... А я по дороге захотел по нужде. Мать меня перед этим окрошкой накормила... Сел я под куст, делаю свое дело. А тут помещик на коне и с нагайкой. Что, говорит, засираешь, мой лес? И нагайкой меня по спине. Еле выходили меня после этого, так я испугался. К чему я это рассказал? Ну, понятно, чтобы ты меня пожалел. Меня кроме матери никто не жалел. Но она рано померла, подорвавшись в рабстве у помещика. Так что прости меня, Господи, за все мои грехи, если ты, конечно, есть. Хотя я, честно говоря, в этом сомневаюсь. Но на всякий случай молюсь, ведь скоро и за мной смерть придет. Погибну от руки предателя. Кто знает, что меня там ждет...

Мортко и его помощники опускают оружие.

Большая часть людей падает замертво (Горобец). Меньшая часть разбегается (Оляна, Мокрина). Артисты и активисты бегут в фургон.

Только Самсон остается сидеть за столом. Держится за живот.

САМСОН. О-хо-хо... Как тискаами схватило... Режет, как ножом... Лучше от пули умереть, чем от обжорства. Убей и меня Мортко, чтоб я не мучился.

МОРТКО. Мучайся, падло.

Мортко садится за соседний стол. Наливает себе стакан водки. Выпивает. Закусывает.

Рядом садится Гаврило. Тоже ест.

МОРТКО. А ты откуда взялся? Мы ж тебя второй раз в зернохранилище заперли! Ты что, сквозь стены проходишь, зараза? Что ты там бормочешь? Пошел отсюда!

Гаврило послушно встает и проходит сквозь стену церкви-зернохранилища, или так кажется опьяневшему Мортко.

Мортко снова наливает себе и выпивает.

Подъезжает Артюх с труповозкой. Тяжело вздыхает, оценивая объем работы. Добросовестно собирает трупы.

МОРТКО. Куда ты тянешь? Ты сначала рубашки снимай. Они ж казенные.

Артюх расправляет плечи, гордо оглядывается на Мортко.

АРТЮХ. Я тебе не гавносрань какая-то и не падаль. Я свою работу делаю.

Продолжает делать свою работу. Подходит к затихшему сидящему Самсону. Трогает – мертвый. И так и сяк прикидывает, как загрузить того в телегу. Наконец, придумывает: подгоняет телегу к столу. Ставит доску одним концом на лавку, другим на телегу. Валил Самсона на нее. Привязывает его к доске веревкой. Подлезает снизу, чтобы поднять и перекинуть тело в телегу. Не получается. Тогда влезает на телегу. Садится на другую часть доски (как на качели). Но его вес слишком мал, чтобы сработало. Тогда он накидывает три-четыре тела на этот конец доски и теперь другой конец с привязанным Самсоном поднимается. Артюху остается только подтолкнуть его. Мортко с интересом следит за его действиями.

Май 1933 года

Хата в семье Старицких.

Арсей копает прямо посреди кухни яму и туда закапывает торбу с зерном.

Оляна и Мокрина едят какое-то варево.

ОЛЯНА (неискренне). Спаси тебя Господи, сынок, что ты нас с Мокриной от наглой смерти спас. Дай тебе Бог здоровья и тебе и твоим близким.

МОКРИНА. Где же он раньше был, собака? Когда еще живые были братики и сестрички мои? Когда батечко мой... Видеть тебя не могу. Противный ты мне.

Оляна сердито грозит дочке ложкой. Арсей продолжает копать.

АРСЕЙ. Завтра принесу костей.

МОКРИНА. Не ходи к нам. Лучше с голоду помереть.

Мокрина продолжает жадно есть. Оляна бьет ложкой Мокрину по голове.

ОЛЯНА. Не слухай ее. Это она заигрывает с тобой. Вы ж когда-то женихались.

АРСЕЙ. То ж было в детстве. Забыто.

МОКРИНА. А шо ж ты копаешь, я не пойму? Мортко придет и заберет, все равно. Когда увидит, что мы все еще живые.

АРСЕЙ. Я глубоко закопаю.

ОЛЯНА. Сынок, так мы ж не выкопаем...

АРСЕЙ. А я зачем? Позовете.

МОКРИНА. Может, он всем закапывает? Чтобы потом вместе с Мортко придти и точно найти. Выслуживаешься, чтобы свои 25 процентов получить? Молодец, Арсей. Правильно я говорю?

АРСЕЙ. Точно так.

ОЛЯНА. И правильно, шо ты на ней не женился. Посмотри на кого похожа – кожа и кости. А какое дите гарное было! А выросла – хуже драной собаки. Вот подрастет наша Гафийка, мы ее за тебя выдадим. Ты ж теперь большой человек.

Неожиданно поперхнулась. Кашляет. Долго и мучительно. Арсей и Москрина смотрят друг на друга.

ОЛЯНА (*прокашлялась, жалким голосом, словно только что осознала*). Умерла наша Гафийка. Первой не выдержала. А я тут ем...

Оляна начинает тихо скулить.

МОКРИНА (*зло*). Мамо, вы с ума сошли. Вот всегда – как наедятся, начинают жалеть. Нельзя им наедаться.

Неожиданно распаивается дверь. На пороге стоит Книжник Мортко с Юхимом. Все цепенеют в ужасе. Мортко торжествующим взглядом оценивает обстановку.

ОЛЯНА (*тихо, про себя*). И собака не гавкала. (*вспоминает*) Да мы ж ее осенью съели.

КНИЖНИК МОРТКО. Смачного, люди добрые. (*Приятного аппетита*) А я смотрю – у Старицких щеки отросли. А сами клялись, что все государству сдали.

ОЛЯНА. Так сдали, Книжнику, все сдали до последней зернинки.

КНИЖНИК МОРТКО. А что копаем? Себе могилку?

ОЛЯНА. Это все Печорица. Мы его не просили. Он сам принес, зараза. Принес и копает. Себе прячет.

МОКРИНА. Мовчить, Маму.

Книжник Мортко подходит в Арсею. Смотрит тому глубоко в глаза. Арсей свои опускает.

КНИЖНИК МОРТКО (*тихо, проникновенно*). Осознаешь ли ты свою вину, хлопче? Понимаешь ли ты, кому помогаешь? Ты ж народился в семье бедняка! А помогаешь куркулям?! Ты знаешь, сколько у них было спрятано? Знаешь, как сопротивлялся старый Феодосий? Мы три воза добра вывезли. Эх, Арсей, я все же надеялся, что ты за ум возьмешься... Я еще тогда в тебе засомневался, когда ты на площади стрелять не стал. Что молчишь?

АРСЕЙ. Виноват.

КНИЖНИК МОРТКО. Провалиться бы тебе со стыда в эту яму.

Суд решит твою судьбу, предатель. Ведь тебя прислали с такой характеристикой! И отличник, и сознательный, и ненависть к куркулям в крови! А ты?! Я сразу увидел в твоих глазах предательский огонек. Не место в рядах партии и комсомола чужакам, которые стали прямыми помощниками классового врага, срывающими хлебозаготовку.

Заглядывает в яму.

Глубоко закопал. Теперь доставай.

Арсей покорно лезет в яму.

КНИЖНИК МОРТКО (Юхиму). А ты на горище лезь. Хорошо ищи.

Юхим лезет на горище.

Оляна тем временем спохватывается и начинает запихивать в себя остатки похлебки. Мокрина с тупым безразличием следит за ней.

Потом спохватывается, забирает у нее миску и доедает.

Мортко тоже спохватывается и вырывает миску у Мокрины.

Содержимое выливает на пол.

В это время Арсей вылезает из ямы с торбой с зерном и с лопатой.

Мортко протягивает за торбой руку. Но Арсей отчего-то не отдает.

ОЛЯНА (визгливо, Книжнику). Не губи!... Мы ведь выжили!.. Оставь хоть это!..

МОРТКО. Я вас тут кончу всех.

Мортко лезет рукой в свой карман.

Арсей бросает торбу с зерном Мокрине.

Арсей тушит свечку.

8 мая 1933

Зажигается свет.

Изба-читальня. Выходит Избач с газетой «Ударник Полтавщины».

Зачитывает.

ИЗБАЧ. Памяти лучшего товарища Книжника Мортко.

Рукою классового врага преждевременно вырвано с наших рядов любимого товарища Книжника Мортко.

Товарищ Книжник родился 1904 года в семье бедняков в селе Крюково, Костромской губернии. С малых лет батрачил. В 1924 году вступил в ряды Ленинского комсомола и активно работал секретарем комсомольской ячейки. Активно организовывает армию робселькоров на выполнение политических хозяйственных компаний.

В мае 1933 года его было избрано головой Зеленокутской сельрады, где он по-настоящему, как большевик взялся за работу, прижал куркулей и их агентов. В борьбе за хлеб в ночь с 3 на 4 мая тов. Книжник погиб от руки агента и белобандита Арсея Печорицы, долгое время прикидывающегося другом Советской власти.

Отдавая последнее товарищеское уважение, мы заверяем, что дело партии, за которое он умер, ми доведем до конца, еще больше сплотим свои ряды в бою за уничтожение капиталистических недобитков.

Голос Избача дрожит от праведного гнева и скорби.

6 мая 1933

*Весеннее солнце. Робкий птичий щебет. Дома без крыш (солому съели). Вишни без крон (обглодали и сожгли).
Вдоль тынов лежат люди. Кто живой, кто мертвый. Но живые и мертвые мало отличаются друг от друга. Все опухшие от голода.
(Это может быть нарисованный задник, как в старом оперном театре, но еще и с нарисованными людьми и трупами.)*

По улице изредка проходят живые люди. Неожиданно проходит сытая нарядная женщина с младенцем. Режет глаз.

*Радио на площади, отхаркавшись, вещает:
"Именно сменой отношения колхозников к колхозному труду объясняется в первую очередь резкое повышение урожайности в 1933 году в сравнении с 32-ым.
Достижения Украины огромны, но с ними нельзя успокаиваться. У нас есть еще безграничные возможности и резервы для значительно большего поднятия сельского хозяйства и повышения материального уровня колхозных масс"...*

*Странная гармония. Смерть, весна и технический прогресс.
Начинает играть бодрая музыка на площади из радиоприемника.
Арсей медленно идет. За ним идет Мокрина.*

АРСЕЙ. Помолишься за меня, Мокрина?

МОКРИНА. Я больше не верю в Бога, Арсей. Я верю в Советскую власть. Она может больше.

АРСЕЙ. Это факт.

МОКРИНА. Я только понять ничего не могу. Может, ты понимаешь? Ты же в городе учился. На большого человека. Можешь ответить на вопросы?

АРСЕЙ. Плохо учился, как видишь. (помолчав) Скажи, Мокринка, а помнишь ли ты те вареники с сопкой, что твоя мамка варила? Я их всегда вспоминал.

МОКРИНА. Я помню, как мы с тобой на озеро ходили... Зимой. Лед замерз, снегу по колено, а мы поперлись... Ты меня обратно на руках нес, так я промокла и устала. А потом я пришла домой, замерзшая, как цуцик, промокшая, мамка меня ругают, тато защищают, а в хате тепло, в печи трещит, борщом пахнет и хлебом и теленком, я на печь спряталась и мне так хорошо... Такое это было счастье... Жаль, заплакать не могу, а то бы заплакала...

АРСЕЙ. У нашей любви – вкус вареников с сопкой.

Появляются агитаторы на своей повозке. Те же лозунги, та же повозка, те же агитаторы.

АРСЕЙ: Кого они собираются агитировать? Нет ведь никого.

Агитаторы призывают:

Дай стране зерна
Страна у тебя одна
За жену, детей, за жизнь –
Не держись.

Украинский селянин -
Ненастоящий гражданин
Спрятал в погребе, зараза
Двести грамм собачьего мяса

Заберем у куркуля
Все, что ест его семья.
Черви, мыши, лобода -
Настоящая еда.

Радиоприемник взрывается сумасшедшим гопаком. Агитаторы танцуют. Трупы, а так же умирающие от голода тоже встанут и начинают свой последний танец. Встанут лежащие вдоль заборов, чечетка, смесь украинского гопака и чего-то там еще.

Гром костей.

Мокрина отчаянно зовет уходящего Арся.

МОКРИНА. Куда ты пошел? Не оставляй меня! Ведь ты же муж мой, помнишь? Мы поженились! Тогда в сельсовете!

АРСЕЙ. Какой же я муж. Не смей людей. Венчаться нужно в церкви было. То не считается.

МОКРИНА. Считается.

АРСЕЙ. Разве ты любишь меня?

МОКРИНА. Какая любовь? Я больше ничего не чувствую, кроме страха. Я в зверя превратилась, разве ты не видишь? Я боюсь, что если тебя не станет - кто ж мне поесть принесет? *(настойчиво)* Ты муж мой, муж... Ты мне должен.

АРСЕЙ. Постарайся найти другого. Ты же знаешь. Я враг народа. Меня ищут, меня найдут и замучают.

МОКРИНА. Куда же ты пошел?

АРСЕЙ. Пойду, повешусь.

МОКРИНА. Подожди...

Арсей останавливается. Они смотрят в глаза друг другу.

МОКРИНА. Подожди... У тебя не осталось крошек в кармане?

Арсей выворачивает карманы. Ничего. Отрицательно машет головой. Танец заканчивается так же неожиданно, как и начался.

Все падают в большую яму. В том числе и несколько агитаторов. В том числе и Арсей. Рядом стоит два могильщика с лопатами.

МОГИЛЬЩИК *(Арсею, не без участия)*. Закрой глаза, засыпать буду.

Начинают забрасывать танцоров жирным черноземом.

Стара Баба с пустым ведром переходит Мокрине дорогу.

СТАРА БАБА С ПУСТЫМ ВЕДРОМ. С кем это ты разговаривала, Мокрина? Иди до дому... Дуже ты плоха...

Опухшая Мокрина лежит в хате на лавке. За окном красный закат. Вот к ней заходит и садиться напротив на лавке сестра Гафийка.

МОКРИНА (без страха). Гафиечка, сестричка... Ты ж померла...

Гафийка заливается серебристым смехом.

ГАФИЙКА. Тю, дурная. Сама ты померла, как скажешь, не можна жить! Я что спросить хотела, Мокрина, ты когда замуж пойдешь, скольких детей родишь?

МОКРИНА. Четверо. Двух хлопцев и двух девчат.

ГАФИЙКА. А я одиннадцать хочу, как у нашей мамки. Представляешь, какая у нас семья большая получится? С детьми да внуками.

МОКРИНА. Оно хорошо бы.

Заходит Онисько. Пока он говорит, подтягиваются остальные братья и сестры. Улыбчивые, хорошие. Садятся на лавки, улыбаются.

ОНИСЬКО. Девчата, можно до вас? Не помешаю?

ГАФИЙКА. Только если смеяться не будешь.

ОНИСЬКО. Смеяться? А что?

ГАФИЙКА. Я спросила у Мокринки, сколько она детей хочет.

Онисько смеется.

ОНИСЬКО. Та девчата, вы ж малые еще? Какие дети?

ГАФИЙКА. Так я просто говорю. Вот представь, какой нужно будет большой стол нашим батькам поставить, чтобы всех нас, всех наших деток и внуков за один стол посадить.

ОНИСЬКО. То такого стола не бывает.

ТОДОСЬ. Это ж сколько человек? Не сосчитать.

УЛЯНА. Пойдешь на тот год в школу, тебя там выучат и считать и читать.

ТОДОСЬ. Не хочу в школу. Хочу в колхоз колхозником.

ЮХИМ. От дурко. Вы только послушайте, что говорит наш Тодось.

УЛЯНА. Вот я батьке скажу, он тебе даст и колхоз, и пятилетку и дулю с маком.

МОКРИНА. Братики мои... Сестрички... Родненькие... Разве ж вас не закопали под вишнями? Какая же я дурочка? Что же мне такое страшное приснилось?

Плачет и смеется.

ГАФИЙКА. Ой, мамка идет, а давайте попрячемся и пожартуем (пошутим)?

Братья и сестры прячутся кто-куда - кто в печку, кто под печку, кто на печку, а кто выпрыгивает в окошко. Нет никого. Заходит мама Оляна. Берет Мокрину за ноги, тащит ее к двери по полу. Мокрина больно ударяется.

МОКРИНА (тихо) Не выносите меня, мама. Я же еще живая.

Но мать не слышит. Тащит Мокрину на улицу, где с труповозкой стоит уже дед Артюх.

МОКРИНА. Мама, или вы меня не слышите?

Оляна останавливается. Смотрит слепо на Мокрину. Оставляет ее на пороге лежать.

ОЛЯНА (деду Артюху). Завтра приходи. Еще живая.
АРТЮХ. Так я завтра приду.

Бурчит и возмущается негромко, уезжает вместе со своей труповозкой

МОКРИНА. Как хорошо, мамо. Не разберу, где правда, а где сон. Так и должно быть. Так радостно от голода. Уйдите, мамо. Ко мне гости пришли.

Мокрина проваливается в черную-черную яму.

16 августа 1933

Мокрина открывает глаза. Она едет на повозке агитаторов. Худая кляча медленно ковыляет по плохой дороге. За вожжами – Юрка. Маленький, худой, черный от солнца и пыли. Мокрина разжимает свою ладошку. В ладошке – хлебный мякиш. Мокрина сует его в рот. Жует.

МОКРИНА. Юрка, ты?

ЮРКА. Я.

МОКРИНА. А где Иван Иваныч?

ЮРКА. Его людоед съел.

МОКРИНА. А Машка с Васькой?

ЮРКА. Васька с голоду опух. Машка – родами умерла. Эй, Зирка, еби твою мать, еле ногами перебираешь!

Откуда-то из тряпья доносится детский плач.

ЮРКА. О, про мамку услышал и закричал. Это Машкин. Самсоном зовут.

Мокрина равнодушно оглядывается.

МОКРИНА. А моя мама где?

ЮРКА (подумав, врет). Дома осталась. Грядку убирать.

МОКРИНА. Не брешу. Грядки два года не сажены. Лучше сейчас скажи, пока я ничего не чувствую. Где она?

ЮРКА. В яме.

Некоторое время едут молча. Подгоняет лошадь, но та не реагирует.

МОКРИНА. А ты что ж живой?

ЮРКА (*отмахивается*). А... Меня не берет. Порода такая.

МОКРИНА. А я почему... не со всеми?

ЮРКА. Проезжал мимо – смотрю – Артюх тебя в яму везет. А ты от мух отмахиваешься. Ничего – забрал, выходил.

МОКРИНА. Зачем я тебе?

ЮРКА. Петь мне будешь. Ты поёшь хорошо.

МОКРИНА. А где это мы едем? Что это за страна такая? Ни людей... Ни птиц... Одни бурьяны. А может, я все же умерла и ты жартуешь?

ЮРКА. Надоела спрашивать. Нет. Это Советская Украина. Заводи какую-нибудь веселую.

Мокрина тихонько затягивает веселую песню. Все громче и веселее.

Сіяв мужик просо,
Жінка каже: «мак».
Ой чи так, чи не так,
Нехай буде з проса мак.

Злапав мужик рибу,
Жінка каже: «рак».
Ой так чи не так,
Нехай з риби буде рак!

Купив мужик чепець,
Жінка каже: «сак».
Ой чи так чи не так,
Нехай с чепця буде сак!

Зцапав мужик сойку,
Жінка каже: «шпак».
Ой так чи не так,
Нехай буде з сойки шпак!

Купив мужик штани,
Жінка каже: «фрак».
Ой так чи не так,
Нехай буде з штанів фрак!

Песня набирает силу и вот уже целый хор веселых молодых девушек поют ее.

Выходит Гаврило в одежде украинского крестьянина 30-х годов.

ГАВРИЛО.

Добрый вечер, Господи!

Обращаюсь к тебе с молитвой.

Все у меня хорошо, грех жаловаться. Кроме некоторых моментов.

Представляешь, вчера была у врача, нащупал какую-то шишечку в моем теле. Послал меня на анализы, но я сбежала к тебе. Господи,

дай какой-нибудь знак. Помоги мне принять правильное решение. Ты же знаешь, как я боюсь операций.

Помоги моей дочке Ире хорошо закончить театральный институт и удачно выйти замуж, а сыну Мише помоги развестись с этой стервой. Сына Самсона избавь от астмы и помоги ему пройти собеседование.

Отведи налоговую инспекцию от моего магазина.

Прости меня за то, что я сегодня много раз плохо подумала про своего бывшего мужа Андрея. Господи, прости, что желала ему смерти, избавь его от алкоголизма, если сможешь. Я не смогла. Продли жизнь моей маме, потерявшей здоровье на колхозных полях, пережившей голод и оккупацию.

Упокой душу моего брата Сергея, умершего после работы на Чернобыльской АЭС.

Упокой так же душу брата моего папы Колю, пропавшего в советских лагерях и душу моего отца Юрия, убитого во Вторую Отечественную войну.

Упокой души моих умерших дядь и тетей: Храсины, Секлеты, Якима, Брони, Федору, Мину, Параску, Юхима, Ялину, Арсея, Явдоху, Тодосю, Югину, Оляну, Горпину, Явдохи, Текли, Сафона, Ониськи, Килины, Прокопа, Карпа, Стаси, Марцина, Хранки, Тофили, Фанаса, Гафийки.

Они все умерли от голода в 33-ем году.

Ничего, что я повесила их фотографии в кухне над столом?

Я вообще сейчас многого не понимаю.

Прости, если неправильно ставлю ударения в словах.

Прости, если неправильно молюсь.

Спасибо Господи за все, что ты мне дал.

Господи, помоги мне похудеть к моему дню рождения.